

16+

ISSN 2410-1087

№ 2 (8)

2016

АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Информационно-научное издание

Учредитель

ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова»

Главный редактор

М.Ю. Присяжный

Редактор выпуска

М.В. Самсонова

Редакционная коллегия:

Варвара Белолюбская (СВФУ, Россия)

Антонина Винокурова (СВФУ, Россия)

Людмила Заморщикова (СВФУ, Россия)

Ольга Мельничук (СВФУ, Россия)

Александр Петров (РГПУ им. Герцена, Россия)

Грэг Поэлзер (Университет Саскачевана, Канада)

Гейл Фондал (Университет Северной Британской Колумбии, Канада)

Гунхильд Гйорв Хугенсен (Арктический университет Тромсё, Норвегия)

Ответственный секретарь

В.Ю. Кузин

Технические секретари:

Д.И. Осипов, И.А. Матвеев

Адрес издателя, редакции:

677000, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58,

СВФУ, УЛК (учебно-лабораторный корпус), каб. 508.

sakhaarctic@gmail.com www.arcticjournal.s-vfu.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.

© Северо-Восточный федеральный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю (*Присяжный М.*) 3

СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЦИРКУМПОЛЯРНОГО МИРА

Gunhild H.G. Energy, ethics, and security 5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иванова С.А., Гададь С., Саввинова А.Н. Комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к автомобильной дороге «Колыма» (на примере Центральной Якутии) 16

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЭТНОС

Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность 26

Шапошникова В.И. Способы передачи эмоционально-оценочной лексики олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» на русский и французский языки .. 32

НАУЧНЫЕ ПРОЕКТЫ

Гаврильева Т.Н., Присяжный М.Ю., Табата Ш., Степанова Н.А., Бочкарев Н.В., Сивцева Т.В. Территориальная дифференциация в обеспечении доступности электрической и тепловой энергии в Якутии 42

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

Николаев Н.Н. Сотрудничество Китая и Исландии в Арктике 57

СЛОВО РЕДАКТОРА

Представляем Вашему вниманию очередной выпуск журнала «Арктика XXI век. Гуманитарные науки». Напомним, журнал является частью крупного информационного проекта Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова «Новый мир Арктики», посвященного широкому кругу вопросов изучения и исследований Арктики. Задача проекта – создание пространства для научной коммуникации и обмена идеями, практиками исследований и методологических подходов между учеными СВФУ, российскими и зарубежными вузами, научными организациями, ведущими арктические исследования.

Традиционная рубрика «Современные вопросы циркумполярного мира», посвященная теоретическим разработкам ведущих ученых-североведов, пополнилась работой норвежского политолога, профессора международных отношений Арктического университета Норвегии в Тромсё (UiT) Гунхильд Хугенсен Гйорв (Guhild Hoogensen Gjørv). Ее статья посвящена эволюции концепта «безопасность» применительно к Арктическому региону. Ученый выделяет энергетическую, инвайронментальную и человеческую составляющие безопасности в Арктическом регионе, которые в сложном меняющемся мире составляют основу устойчивого развития арктических государств.

Рубрика «Социально-экономическое развитие северных территорий» представлена исследованием коллектива авторов Северо-Восточного федерального университета и Уиверситета Экс-Марсель (Франция) Светланы Ивановой, Себастьяна Гадаля и Антонины Саввиновой, посвященным комплексной оценке туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к автомобильной дороге «Колыма» (на примере Центральной Якутии).

Новая рубрика «Научные проекты» призвана знакомить читателей с промежуточными и итоговыми результатами междисциплинарных международных научных коллективов с участием ученых СВФУ. Открывает рубрику статья коллектива авторов в рамках проекта COPERA - «C budget of ecosystems and cities and villages on permafrost» («Бюджет углерода мерзлотных экосистем, городов и поселений восточной Арктики России»). Проект реализуется группой ученых СВФУ совместно с японскими и американскими коллегами по гранту РФФИ № 15-54-71003 и Бельмонт форума и нацелен не только на оценку эмиссии парниковых газов, но и на исследование социально-экономических проблем в сфере жизнеобеспечения населения на Севере.

Еще раз повторю, что журнал ищет и поддерживает молодых авторов, делающих первые шаги в науку. С этой целью мы открываем рубрику «Дебютные работы», которая начинается с публикации работы магистранта направления «Арктическое регионоведение» ИЗФИР СВФУ Николая Николаева, посвященной важному аспекту международных отношений в Арктическом регионе – росту активности неарктических стран в укреплении позиций в циркумполярном мире, а именно - анализу развития отношений Китая и Исландии.

Главный редактор
Михаил Присяжный

*Gunhild Hoogensen Gjørv**

ENERGY, ETHICS AND SECURITY

The issues of security in the Arctic in different dimensions are analyzed in the article. The author distinguishes three vital components of security in the Arctic: energy, environment and human. Natural resources and their governance play an important role in Arctic geopolitics of the early-21st century, as well as the fact that energy (security) and resource geopolitics has a long history in shaping and impacting the Arctic. Access to energy sources has become increasingly strategically important, and energy security has appeared again in re-invented forms, becoming part of the larger issues of security in the North, ranging from sovereignty (including boundaries, defense, transport/shipping, economy) to environmental issues (ecosystems, toxins, climate change, human health). Underlying drivers include the significant geopolitical, geoeconomic and environmental changes, and changes in problem definition of security, that are happening at local, national, regional and global scales.

Key words: Arctic, security, environment, energy, ethics, Norway

Energy has been and will always be an important issue. It affects states (economy, viability of the state) but also affects increasingly demanding electorates/populations, not only in countries more accustomed to constant and consistent energy availability but also for populations that have not benefited from constant access but are themselves requiring more reliability to ensure increased development, employment, and living standards. Notions of energy “security” go beyond the dynamics of what has become a fairly narrow conception of state security that takes little consideration for the role of the individual. A power outage, a lack of transportation (cars, planes, etc) will affect people as quickly (if not quicker) than military interventions.

An interesting and important issue for debate has arisen lately as a result of practices in establishing energy security, in particular the extraction of non-renewable oil resources, in

*Gunhild Hoogensen Gjørv — Professor of Political Science (specialization: international relations) at the University of Tromsø- The Arctic University of Norway, as well as Research Associate at the Norwegian Institute of International Affairs (NUPI). E-mail: gunhild.hoogensen.gjorv@uit.no.

particular contentious extraction processes such as extraction of oil from the oil sands¹ in Alberta, Canada. The value we place on energy has become a part of the debate. So how do we deal with how we value energy? How we address the “ethics” of energy? Particularly as the production and consumption plays such a significant role in human-induced climate change, which itself has and will continue to have increasing implications for the very lifestyles we wish to sustain through our energy consumption.

Energy security, therefore, plays an intricate role for both states and individuals and their communities. It also moves in the realm between negative and positive security, responding to “fear” but also generating activities by state and non-state actors to think about how to sustain energy production to meet consumption, at “reasonable” prices. This includes exploring renewable energy resources (which some consider a waste of money and time, such as solar and wind) and nuclear, as well as non-conventional non-renewable sources (tar sands). How are our energy requirements reconciled with an ever-increasing pressure to deal with a sensitive environment/climate, which also affects our human security?

The tension between our exploitation of natural resources (particularly non-renewable) and our desire to continue lifestyles that depend on this exploitation has led to an interesting discursive trend, and that is to construct a framework of ethics around these issues, particularly energy. It is the assumption of an exploitation – of the environment and of the future and our future expectations – that enables the “ethics” aspect of the debate. Why do we even need to speak of energy in terms of “ethics”? If indeed energy is a need, and the source of our energy meets that need, why couch this need in ethical terms? I would argue that at least part of the explanation lies in the way in which securitization of the environment, and particularly climate change, has taken place.

But securitizing the environment does not happen in the “normal” way. It is difficult to argue an immediate, existential threat (particularly of the state). Instead the argument for a type of securitization lies in an ethical claim for the future. This is no less a “security” issue, but the time dimension is more obvious (we don’t even know how far in the future we will feel the most serious effects, though we are making heavily researched estimates that give us a good idea), it is heavily “knowledge” dependent, but additionally relies on claims about our priorities (values) if not about ourselves then about our children and grand children. These claims are not necessarily incorrect, but because they rely so much on a (distant? Not-so-distant?) future that is predicted on the basis of scientific studies, the claims carry a moral as well as a scientific weight. Energy producers are then compelled to meet both a scientific as well as an ethical standpoint. Hence the emergence of the “ethical oil” phenomenon.

¹The term “oil” sands is not without controversy, as it (for some) does not reflect what is perceived to be the reality of the extraction process. “Oil sands” is perceived to be an attempt to make the process a type of value-free process, or at least reduce a valued criticism of the process on the basis of environmental damage and pollution. Thus some refer to this process and region as the “tar” sands, attempting to impart a different valuing of the process, revealing a more toxic nature to the process. More recently (and this makes more specific the “scientific” source of the process) it has been referred to as the “bituminous sands”

Environmental security

Security is a historically-bound concept, that has stretched and contracted over time, as can be seen in western political thought and through various political epochs (Rothschild 1995, Hoogensen 2005, Burgess 2007, Hoogensen Gjørsv 2012) One of the most pivotal developments in the security debate took place through the notion of “environmental security”, which has evolved both at the state level as well as at non-state (international, community, individual) levels as well, which in turn has been relevant for developments in human security.

It is important to understand that despite the power of the narrow, conflict-oriented definition of security, arguments for wider (often non-military issues) and deeper (beyond the state to the individual) security perspectives not only exist but are plentiful (Hoogensen 2005). The fact that so many attempts are made to extend our understanding of security from an ahistoricized cold-war mindset is telling about the lacking efficacy of a strictly state and conflict-oriented definition. The evolution of environmental security is a testament to the need for a wider perspective in that it, itself, has moved considerably from a narrow state perspective to something that has the potential to engage a wide range of factors and issue that go well beyond war.

Environmental security has made three distinctive and almost simultaneous evolutions; the first towards the regional and global levels reflecting the necessity of a global response to environmental issues, the second towards an environment-human awareness at the human security level, and the third a retrenchment of an original dimension of environmental security, and I would argue which has merged with what is now articulated as energy security. These evolutions speak to the types of “security providers” that exist. This results in the evolution of multiple referents, including the state (leaning towards energy security) and the individual and/or civilization (leaning towards human security), and the ecological/climate, representing the environment itself.

The global/regional dimension of environmental security often attempts to address both ecosystem/climate referents as well as human referents. At the same time, human referents may share some of the same security interests as the state with regard to energy security, and therefore an overlap can be seen to take place there as well. In other words, there can be no fixed divisions between these dimensions that have the ability to respond to various security referents depending on the context.

The question as to whether the environment should be invoked as a security issue at all has been up for debate. From a “state” security point of view, the claim of any validity for environment security is very tenuous when or if not linked explicitly to the state and national interests (Durant 2007). As Barnett notes, “much contemporary writing on environmental security, and virtually all policy statements on the subject, flow from this prevailing, nominally realist approach to security” (Barnett 2001: 32).

Despite increasing rhetoric supporting human and ecological security perspectives, it is the former that still tends to dominate:

Many Northern writings and policy pronouncements on environmental security are discursive primers for exactly this kind of defence of the environmental security of the North at the expense of the environmental insecurity of the majority of the world's population. The means of this defence include the traditional response of the deployment of military power. (Barnett 2001: 22).

The dominance of a state-based environmental security concept that is intricately linked to the narrow, national security concept which embodies the potential deployment of force, is often used against any move towards defining a human and ecosystem friendly environmental security.

Environmental security through the state

The discussion about environmental security, or what eventually became what we know as environmental security, began in the early 1970s. One such early work included that by Richard Falk titled "This Endangered Planet" (Falk 1971). His awareness about the environment is directed to both environmental degradation but also to the power implications between those who "have", and those who "have not" when competing for scarce resources. He notes: "Under world conditions of insufficient resources to satisfy total demand there is a natural tendency for those with less to seek a larger share: This tendency induces those with a larger share to organise their defences against those with less and to use their superiority to obtain still more" (Falk 1971). While pointing out the problems of inequality associated with scarcity, Falk highlights a central tenant of environmental security at the time, and which continues today: scarce resources must be secured for the purposes and interest of the state. Falk's purpose was in part to address the ways in which the environment could be used to exacerbate the already gross inequalities that existed between nations and peoples. But the issue regarding scarce resources appeared to hold more sway amongst security theorists at the time, as evidenced by the oft-cited work by Ullman in "Redefining Security" (1983). In this work, security was both redefined as well as reified. Ullman argued that national security threats were more than those which the military could dispose of, and he gave particular focus towards the implications of environmental change and degradation upon national security. Many of the operational definitions of environmental security since then have not moved too far beyond the state focus, as demonstrated by the definition employed by the US government:

Environmental security is an element of regional and national security. It encompasses the mitigation and prevention of energy threats, including threats to sources and supply lines, and environmental risks and related stresses that directly contribute to political and economic instability or conflict in foreign countries or regions of importance to the United States. Moreover, it addresses selected energy, environmental, and related national security concerns that pose a direct conflict with United States foreign policy (U.S. Department of State, 2001).

In fact, one of the criticisms swaged against the notion of environmental security is that it is largely a tool of the state – a concept so readily employed by the U.S. military, and potentially used as a justification for the continued exploitation of resources to “secure” the North’s consumerist lifestyle, is not a concept that reflects the concerns of those interested in the survival of the earth’s varied and diverse ecosystems (Dalby, 1997). The end result is a mindset that those with fewer resources could constitute a threat to those with the most.

Strengthening the state-focus: Energy Security

Energy security both broadens and reifies the traditional security agenda. It broadens it by including energy as a fundamental security “referent” or object of security, beyond defending strictly the territory of the nation when and if it is threatened. Instead, the survival of the state is expanded to include energy as a fundamental and explicit element of that which now, if not before, needs to be protected to ensure state survival. Thus, energy security is about securing energy for the state (Barnett 2001). Energy has become so fundamentally linked to state security now that energy is easily mentioned without question when referring to the security and defence of a state: Russia’s “comeback” (or attempt) to the world stage as a major military power is in part attributed to its capacity and power in the energy sector (Blank, 2008?).

Energy security was invoked during World War I where Winston Churchill already recognized the importance and link of energy to national security and strategy (Yergin 2006). Its continued relevance was made very clear during the oil crisis of 1973 which illustrated the extent to which states were vulnerable both economically and politically (maintaining lifestyles for domestic population as well as ensuring sufficient energy supply behind any necessary deployment of force), but was relevant even before then during the Second World War (Barnett 2001). Today, threats emminate from both human and “natural” sources, from the likes of terrorists threatening the world economy by attacking energy supplies, to natural disasters like hurricanes Katrina and Rita which created an “energy shock” by disrupting distribution of oil, natural gas and electricity (Yergin 2006). Energy security has been taken up as a “cause” by the likes of traditional military alliances such as NATO, which has taken on the mantle of protector of energy security for its allies. NATO’s role in energy security has been addressed in two Summit declarations thus far (Riga 2006 and Bucharest 2008) with plans to include the theme at the 2009 summit as well (NATO 2009). Energy security reflects the initial concerns of environmental security and the need to secure resources for the state. In this way, the links between energy security and “traditional” or a state-based form of environmental security are very close.

Global/regional focus on environmental security

As a state-based environmental security perspective developed, so too did a more global, shared response. It was argued that sovereign entities such as states lacked the capacity to

care for common goods such as air, water and natural resources (Hough 2008). This “Tragedy of the Commons” type thinking became common during the 1970s, and could be seen in agreed-upon principles such as the “Common Heritage of Mankind” as a part of the Third UN Conference on the Law of the Sea (UNCLOS III) (ibid). Issues such as acid rain, tropical rain forest depletion, and desertification rose in importance on the political agenda, and were beginning to be perceived as global threats. Discussions about global environmental threats (and indirectly, security) took place at the United Nations Conference on the Human Environment in 1972 (Buzan, et.al; 1998). The term environmental security was popularized in the Brundtland Commission report *Our Common Future* (Brundtland Commission, 1987). At that time the term still largely reflected state-based security definitions, in that linkages were made between the environment and large scale warfare, particularly nuclear war. It also highlighted the extent of environmental degradation and devastation that would be and is caused due to other weapons of mass destruction, and the arms “culture” (ibid).

The momentum following the Brundtland report more so stumbled along rather than increased over time, but the global, common issues raised there have managed to “hang in there”. The oil crisis of the 1970s certainly increased the awareness of global dependence upon resources, which at the same time illicited state-based responses for protection of their own resources. However, these responses were happening in concert with the “sustainable development” discourse fronted by the Brundtland commission, which argued for the possibility of continued economic prosperity on the basis of natural resources, but in a managed and “sustainable” way. Sustainable development provided a more positive outlook than a “limits to growth” perspective on the global dependence upon natural resources (Hough 2008). But it required cooperation between states to accomplish this. The UN Conference on the Environment and Development in Rio de Janeiro (1992) attempted to make such cooperation more concrete, including dividing responsibilities between Northern and Southern states regarding environmental protection, introducing the “precautionary principle”, and creating “Agenda 21” as a program of action towards environmental protection (ibid). This conference was followed by the World Summit on Sustainable Development 10 years (2002) later in Johannesburg, where discussions continued on biodiversity and global warming, but with little concrete action.

Although global efforts continue in fits and starts, they DO continue, both at the global/international level as well as at regional levels. The 2003 European Security Strategy briefly acknowledges the possible impacts of climate change, or global warming, upon the competition (and conflict) over scarce resources, namely water (European Security Strategy 2003). However the impact of climate change had little to do with Europe itself according to this document, as it is secure, free, and prosperous as never before (ibid). The European Commission, as the executive body of the European Union, does not explicitly equate environmental issues with security, preferring sustainable development as the important and overriding concept (European Commission, 2006a). However, the rhetoric they employ fits well into a environmental and human security framework:

Poverty is closely linked to environmental issues. The poorest people are the most dependent on natural resources for survival, which they are often forced to over-exploit. They are also the worst affected by a degraded environment...The EU will encourage the development of production and consumption methods that limit the harmful consequences of growth for the environment. It will support the inclusion of environmental considerations in poverty reduction and equivalent development strategies (European Commission, 2006a).

The “overlap” in security referents is clear here, whereby the ecological as well as human impacts are considered. People are identified as in threat and/or vulnerable to a degrading environment, and highly dependent upon a degrading exploitation of natural resources in which to survive.

The view that an environmental *security* perspective was indeed important was raised at the 2004 Hague Conference on Environment, Security and Sustainable Development (Spencer, 2004). Peiter van Geel, State Secretary for Housing, Spatial Planning and the Environment for the Netherlands, claimed that it was very important to link the environment to security, particularly as global actors continue to fail to meet the challenges of increasing ecological problems, particularly climate change (Spencer, 2004). The conference participants expressed the overall belief that the international community needs to greatly expand its knowledge on the causal factors of conflict, including:

the erosion of natural resource-based livelihoods, lack of incentives for sustainable development, excessive resource dependence, corruption, proliferation of small arms and light weapons, lack of economic opportunities, the accelerated population shift from rural to urban areas and the related dispossessed young men who become the ready recruits of militias and terrorism in newly expanded urban centres, and as well, the manipulation of perceptions of injustice by “conflict entrepreneurs” in order to seize power and resources (ibid; 3).

Increasing awareness about these factors requires a broader security perspective than that which traditional security offers. The causal factors identified by the 2004 Hague Conference have equally, if not more, to do with human security as they do with state security. As well, these factors are not only relevant to people living outside of Europe – many Europeans will face and are even now facing the erosion of natural-resource based livelihoods, lack of economic opportunities, accelerated population shifts, and dispossessed young men (particularly those in more rural and remote locations AHDR, 2004). Thus, like many other concepts, “environmental security” is in flux, and slowly changing to reflect a greater concern for both global ecosystems and the humans that depend upon them.

Humans, human security and the environment:

Ecological security:

Ecological security recognizes and prioritizes the protection of the biosphere, or the sum of all global ecosystems, including human and non-human life forms alike (Dalby 2002).

In many respects ecological security *includes* human security, insofar as human beings are part and parcel of the ecosystems being considered. The connection cannot however be assumed to be an uncontested one. Although human well-being is intrinsically connected to the well-being of the biosphere, some human value systems may not place the biosphere within their security priorities, as illustrated in the conflict between economic and environmental security in the above section. As well, some ecologists claim that the subject of ecology and study of ecosystems deals with non-human ecosystems: “it is taken as the field study of natural organisms under natural conditions, with natural taken to mean non-human” (Lowe, Whitman et al. 2009). The separation of humans from ecology means that “ecological security” cannot exist, as “security” is a human value, and human systems are thus far the only ones engaged in debates about what values will be reflected within conceptions of security. Ecological security might necessitate that human beings no longer interact with ecosystems in the name of preserving them, but this nevertheless requires engagement between human and non-human systems. It also requires engagement between social and natural sciences to determine what these interactions consist of (Tanentzap, Bazely et al. 2009).

However, not only are the linkages between humans and other species within and between ecosystems clear empirically (humans are but one, albeit a dominant, species), but the securitization of the biosphere with no acknowledgement of the important relationship of humans to global ecosystems has little to no potential for action as it is human beings at all levels (individuals, communities, states and global community) who need to become engaged; this requires that human value systems include ecosystems. Thus, ecological security consists of understanding and responding to the following relationships (modified from (Pirages 2005):

1. between human systems and the biosphere’s capacity to produce the resources exploited by those systems;
2. between different and often unequal human systems (between elites and non-elites, between global North and South);
3. between human systems and non-human systems as part of the biosphere;
4. between human systems and pathogenic microorganisms.

Ecological security can be viewed as an “attempt to go beyond knee-jerk reactions to disasters or imminent disasters” (Hough 2008). Social, economic, political and cultural transformations no longer can be considered as separate or distinct from ecological or biospheric developments. The developments of the social impacts the ecological, and vice versa. Ecological security demands an understanding between these social and natural systems as holistic units, thus enabling a greater capacity for humans (from individuals to global communities) to manage potential threats.

Climate security

The term “climate security” is appearing more frequently, if not yet in scholarly texts, than at least at conference settings and policy venues (Climate Congress, Copenhagen March

2009). As such, no agreed upon definitions exist for the term “climate security”, but it is largely invoked in the context of climate change. Because it is becoming a term more often seen within the broader field of environmental security, it is necessary to place this approach in relation to the other environmental approaches, including ecological and energy security. Climate security specifically addresses the impacts and consequences of climate change upon human systems, and the identification, mitigation, and possible prevention of acute or severe impacts of the one upon the other. Given the clear impacts of human activity upon the climate and upon climate change itself, the mitigation and prevention of climate change impacts must necessarily include examining human activity itself and changing it, where need be.

Climate security could be considered a “part” of ecological security in that the biosphere includes the atmosphere. It is useful to therefore note the interconnectedness of these two concepts (ecological and climate security), as well as allow climate security its own space in the security discourse as it is a clear reflection of an increasing role in the values within human social systems. A focus on climate security does not necessarily detract from ecological security as a whole, but supports the increasing value placed on the biosphere. As the empirical evidence of the actual and potential impacts of climate change are mounting and becoming more and more commonly understood and/or discussed, the values of at least some human systems are changing as a result, articulating if not taking greater responsibility for human impacts upon the climate. These changes are not occurring “across the board” amongst human systems as there is continued debate as to the effects and causes of climate change. But the articulation of “climate security” demonstrates the development of a set of values that is more ecologically sensitive than environmental security has been before, and has the potential to drive greater action towards mitigation and prevention of acute or severe impacts of climate change.

Future of environmental security

There are two complementary ways in which to strengthen the non-state based understanding of environmental security.. The first is by examining environmental security in relation to human security, and the second is embedding environmental security with a stronger ecological security orientation (as Barnett suggests, 2001). By so doing, environmental security can move away from its state-based roots (defending a destructive modern way of life, propagating environmentally destructive activities through traditional security mechanisms such as the military, exacerbating the divide between global North and South) and reflect both the mounting concerns about environmental degradation, as well as emphasize the importance of human relationships to the environment. Both approaches are necessary to a more effective understanding of environmental security – ecological security stresses the interconnectedness of all elements within a system, both how they impact as well as are impacted by the system. Humans, however, are not the particular or central concern

however. The ecological approach includes humans as one of many elements in the system, whereas the human security approach examines the impacts of the system upon humans (identified as threats). A “widened” environmental security approach brings the ecological and the human together: “. . . reformulate environmental security in terms of human security and peace, and drawing on the insights of ecological security” (Barnett, 2001: 122). Humans are not only threatened by environmental threats, but cause them as well.

Global attempts to both speak to environmental as well as human security issues but has done so in fits and starts, heavily laden with political rhetoric with little action behind it. That environmental security is peripheral to the overall human security agenda is exemplified by the recent report “A Human Security Doctrine for Europe” (Glasius and Kaldor, 2006). Despite acknowledging that the new EU constitution explicitly stated that the EU would contribute to “peace, security, the sustainable development of the earth . . .” (ibid: 331), as well as that the perception of threats has expanded to include environmental security risks (ibid: 311), no attention is paid to environmental security whatsoever within this document.

The reasons for this might be many, but two come particularly to mind; the prioritisation of large scale violence over “other” security issues, and the questionable validity of the environment as a security referent. The recognition of the environment as a potential security “sector” gained some support when this theme appeared in Buzan, Wæver, and de Wilde’s *Security: A New Framework for Analysis* (1998). The authors made clear however that they were not necessarily endorsing the securitization of the environment, but were merely recognizing that there were some actors that were attempting to do so. The difficulties in securitizing the environment (where securitization is recognized as the articulation and validation of a security threat) is the extent to which “urgent” action is required; it is argued that environmental problems are usually, and more effectively, handled at the level of politicization or normal politics (ibid).

According to an ecologically-informed view of environmental security, human beings, from individuals up to the global community are a part of the system; they impact as well as are impacted by, the system and any changes. Changes are already underway, and it is naïve and complacent to think that a human security doctrine for Europe (for example) would not include environmental security, particularly an ecological/human security approach. Climate change is precisely one of those threats that warrants inclusion in Europe’s human security doctrine, which also directly aims at the environmental security of Europe as well as outside of it.

References

1. Barnett, J. (2001). *The Meaning of Environmental Security: Ecological Politics and Policy in the New Security Era*. London, Zed Books.
2. Burgess, P., with G. Hoogensen, et.al (2007). *Promoting Human Security: Ethical, Normative and Educational Frameworks in Western Europe*. Paris, UNESCO.

3. Dalby, S. (2002). *Security and Ecology in the Age of Globalization*. The Environmental Change and Security Project Report 95-108.
4. Durant, R. F. (2007). *The Greening of the US Military: Environmental Policy, National Security, and Organizational Change*. Washington DC, Georgetown University Press.
5. *European Security Strategy (2003)*. A Secure Europe in a Better World. Brussels, Council of the European Union.
6. Falk, R. (1971). *This Endangered Planet: Prospects and Proposals for Human Survival*. New York, Random House.
7. Hoogensen, G. (2005). "Gender, Identity, and Human Security: Can we learn something from the case of women terrorists?" *Canadian Foreign Policy*12(1): 119-140.
8. Hoogensen, G. (2005). *International Relations, Security and Jeremy Bentham*. London, New York, Routledge.
9. Hoogensen Gjörv, G. (2012). "Security by any other name: negative security, positive security and a multi-actor security approach." *Review of International Studies*.
10. Hough, P. (2008). *Understanding Global Security*. London, Routledge.
11. Lowe, P., G. Whitman and J. Phillipson (2009). "Ecology and the social sciences." *Journal of Applied Ecology*46: 297-305.
12. NATO. (2009, 05 April 2009). "NATO's role in energy security." Retrieved 05 April 2009, from http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49208.htm?selectedLocale=en.
13. Pirages, D. (2005). *From Limits to Growth to Ecological Security. From Resource Scarcity to Ecological Security: Exploring New Limits to Growth*. D. Pirages and K. Cousins. Cambridge MA, MIT Press: 1-19.
14. Rothschild, E. (1995). "What is Security?" *Daedalus*124(3): 53-98.
15. Tanentzap, A. J., D. R. Bazely, P. A. Williams and G. Hoogensen (2009). "A Human Security Framework for the Management of Invasive Nonindigenous Plants." *Invasive Plant Science and Management*forthcoming.
16. Yergin, D. (2006). "Ensuring Energy Security." *Foreign Affairs*85(2): 69-82.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 379.854(571.56-191.2)

Светлана Иванова¹, Себастьян Гадаль², Антонина Саввинова³

КОМПЛЕКСНАЯ ОЦЕНКА ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ, ПРИЛЕГАЮЩЕЙ К АВТОМОБИЛЬНОЙ ДОРОГЕ «КОЛЫМА» (НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЯКУТИИ)

COMPREHENSIVE ASSESSMENT OF THE TOURISM POTENTIAL OF THE AREA ADJACENT TO THE HIGHWAY «KOLYMA» (ON THE EXAMPLE OF THE CENTRAL YAKUTIA)

Статья представлена на Международной научной конференции «Культурное наследие и устойчивое развитие народов Севера», 26-27 мая 2016 года, г. Якутск. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект №15-18-20047).

Автомобильная дорога «Колыма» является одним из наиболее перспективных туристических объектов Якутии. Она пересекает разнообразные ландшафты, имеет уникальную историю, доступна для посещения. Оценка туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к дороге «Колыма» позволит выделить привлекательные с туристической точки участки.

Ключевые слова: туристско-рекреационный потенциал, оценка, Якутия, туризм, автотуризм, федеральная дорога, дорога «Колыма».

¹Светлана Алексеевна Иванова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии Института естественных наук СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: sviv@mail.ru.

Svetlana Ivanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Geography, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

²Себастьян Гадаль, профессор географии, координатор магистерских программ Университета Экс-Марсель, профессор географии СВФУ, эксперт по метрополитизации в пост-советских странах и транзитных государствах, системам пространственного мониторинга. E-mail: sebastien.gadal@univ-amu.fr

Sébastien Gadal, Full Professor of Geography in Spatial Analysis and Geomatic, Coordinator of the Domain of Masters in Geography, Aix-Marseille University (France), Professor of Geography in North-Eastern Federal University (Russia). Expert on the questions of Metropolisation in Post-soviet Countries and in Transition, Spatial Monitoring Systems.

³Антонина Николаевна Саввинова, кандидат географических наук, доцент кафедры географии Института естественных наук СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: sava_73@mail.ru

Antonina Savvinova, Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor at Department of Geography, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

The highway «Kolyma» is one of the most promising tourist sites of Yakutia. It crosses a variety of landscapes, has a unique history, available to the public. Evaluation of the tourism potential of the area adjacent to the road «Kolyma» will highlight attractive from a tourist point of plots.

Key words: tourist and recreational potential, evaluation, Yakutia, tourism, auto tourism, federal road, the road “Kolyma”

Развитие туризма и рекреации является одним из наиболее перспективных направлений в Республике Саха (Якутия). Поэтому проблема разработки методики комплексной оценки рекреационного потенциала актуальна. Целью данной работы является проведение комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала (ТРП) территории Центральной Якутии, прилегающей к трассе Колыма. Для достижения поставленной цели был решён комплекс взаимосвязанных задач, наиболее важными из которых являются:

- Изучить теоретические основы оценки туристско-рекреационного потенциала.
- Определить основные компоненты туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к трассе Колыма
- Разработать методику оценки туристско-рекреационного потенциала территории (ТРП).

Объектом исследования в данной работе является территория Центральной Якутии, прилегающая к трассе «Колыма» с полосой, максимальная ширина которой составляет 5 км по обе стороны от федеральной дороги. Предмет исследования — территориальная дифференциация значений туристско-рекреационного потенциала трассы «Колыма».

Под рекреационным потенциалом понимается «совокупность природных и культурных условий, оказывающих положительное влияние на человеческий организм и обеспечивающих путем сочетания физических и психических факторов восстановление работоспособности человека» [1]. В то же время рекреационными ресурсами называются «элементы и различные сочетания природных и антропогенных (культурных) ландшафтов, которые могут быть использованы для отдыха, туризма и лечения» [2]. Таким образом, понятие «рекреационный потенциал» по отношению к понятию «рекреационный ресурс» выступает как более широкое. Поэтому рекреационные ресурсы могут рассматриваться главной составной частью рекреационного потенциала, а характеристика рекреационного потенциала любой территории складывается из описания всех его компонентов, каковыми считаются ресурсы.

Понятие «оценка» означает способ установления значимости какого-либо объекта для действующего и познающего субъекта. Для осуществления оценки была выбрана территориальная единица — участок дороги с прилегающей территорией длиной 10 км. Далее были отобраны оценочные показатели, т. е. те признаки природного и

социально-экономического комплекса, которые существенны для целей оценки. Следующий шаг в процессе оценки заключался в выборе формы выражения оценки. В качестве таковой была выбрана балльная оценка.

Объектом оценки является трасса «Колыма». Субъектом оценки (т.е. с чьей позиции оценивается) является автомобильный туризм, который выгодно отличается от других видов отдыха в Центральной и Восточной Якутии. Этот вид туризма стал наиболее привлекательным в Якутии из-за с низкого уровня развития индустрии туризма в регионе.

Все критерии оценки туристско-рекреационного потенциала были сгруппированы в два блока: природный и социально-экономический. В первый блок включены показатели, характеризующие степень привлекательности природных объектов. В социально-экономический блок вошли историко-культурные объекты, населенные пункты и автотуристическая инфраструктура (таблица 1).

Таблица 1

Шкала оценки туристско-рекреационного потенциала

Признаки	№	Критерий	Показатели критерия	Исходный балл
Геоморфологические	1	Характер рельефа	Горный	2
			Холмистый	1
			Ровный	0
	2	Наличие Аласов	Есть	1
			Нет	0
	3	Наличие Булгунняхов	Есть	1
			Нет	0
	4	Наличие Байджеяхов	Есть	1
			Нет	0
	5	Наличие Наледей	Есть	1
			Нет	0
Гидрологические	6	Наличие рек	Крупные, средние	2
			Малые	1
			Нет	0
	7	Наличие озер	Крупные, средние	2

Продолжение табл. 1

			Малые	1
			Нет	0
	8	Наличие Родников	Есть	1
			Нет	0
	9	Наличие Водопадов	Есть	1
			Нет	0
Привлекательность	10	Степень привлекательности Ландшафтов	Высокая	2
			Средняя	1
			Низкая	0
Состояние дороги	11	Состояние Покрытия	Асфальт хороший	2
			Асфальт разбитый	1
			Нет асфальта	0
	12	Наличие опасных Поворотов	Есть	0
			Нет	1
	13	Наличие затопляемых Территорий	Есть	0
			Нет	1
Достопримечательности	14	Наличие уникальных Объектов	Есть	1
			Нет	0
	15	Наличие исправительных лагерей «Дальстроя»	Сохранились	2
			Не сохранились	1
			Нет	0
	16	Наличие музеев	Есть	1
			Нет	0
	17	Наличие памятников	Есть	1
			Нет	0

Окончание табл. 1

Развитость инфраструктуры	18	Наличие мобильной Сети	Есть	1
			Нет	0
	19	Наличие возможности безналичной Оплаты	Есть	1
			Нет	0
	20	Наличие банкоматов	Есть	1
			Нет	0
	21	Наличие АЗС	Есть	1
			Нет	0
	22	Наличие шиномонтажных услуг	Есть	1
			Нет	0
	23	Наличие гостиниц	Есть	1
			Нет	0
	24	Наличие кафе	Есть	1
			Нет	0

Автомобильная дорога «Колыма» проходит по территории Республики Саха (Якутия) и Магаданской области. Это одна из самых знаменитых трасс России, интересующая туристов со всего мира. Среди факторов, сдерживающих развитие туризма на этой дороге, можно указать слабую информированность туристов об условиях и достопримечательностях региона. И если о Восточной Якутии и Магаданской области информация, хоть и разрозненная и несистематизированная, имеется, то о Центральной Якутии практически ничего нет. Для ликвидации данного «белого пятна» на туристической карте России проводится комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала региона.

В Центральной Якутии дорога «Колыма» пересекает три улуса (района): Мегино-Кангаласский, Чурапчинский и Таттинский. В соответствии с приведенной шкалой было установлено, что самым большим потенциалом обладает Таттинский улус. Суммарное значение потенциала составило здесь 103 балла. Территории Мегино-Кангаласского и Чурапчинского улусов практически не отличаются друг от друга – 72 и 76 баллов соответственно.

Мегино-Кангаласский улус располагается в центре Якутии, на противоположном от г. Якутска берегу реки Лена. Со столицей республики улус связан паромной пере-

правой летом и ледовыми переправами зимой. В апреле-мае и октябре-ноябре наземное передвижение в Якутск прекращается. На территории улуса начинаются автомобильные дороги «Лена», «Амга» и «Колыма». В скором будущем планируется введение в эксплуатацию железной дороги «Нижний Бестях-Томмот», построен железнодорожный вокзал «Нижний Бестях».

Длина дороги «Колыма» в Мегино-Кангаласском улусе составляет 80 км. Значения туристско-рекреационного потенциала колеблются от 5 до 16, составляя в среднем 9 баллов. При оценке характера рельефа улуса было установлено, что на данной территории этот параметр не является приоритетным. На всем протяжении дороги характер рельефа получил оценку в 0 баллов, так как здесь преобладает равнинный рельеф. Но данная территория обладает прекрасными возможностями для ознакомления туристов со своеобразными мерзлотными формами рельефа. Здесь распространены аласы, булгуняхи, быллары, которые можно осмотреть, не удаляясь далеко от дороги. Из гидрологических ресурсов здесь распространены многочисленные озера среднего и малого размера. Самым знаменитым озером является соленое озеро Абалах, обладающее лечебными грязями и минеральной водой. Также среди аттрактивных озер можно указать систему озер Тюнгиюлю, длиной более 10 километров при ширине 6-7 километров. Наличие плодородных аласных угодий вокруг Тюнгиюлю создало условие для развития животноводства и роста численности населения. В селе Тюнгиюлю имеются памятники истории Гражданской войны, связанные с походами А. Пепеляева и генерала Ракитина.

Объекты дорожной инфраструктуры здесь достаточно хорошо развиты. Покрытие дороги частично асфальтировано, частично – нет. Почти на всем протяжении трассы имеется мобильная сеть. Банкоматы, оплата безналичным способом осуществляется в Нижнем Бестяхе. АЗС, кафе, гостиницы, шиномонтажные сервисы тоже имеются в всех населенных пунктах улуса, что делает данный район туристско-рекреационно потенциальным для туризма.

Чурапчинский улус во многом напоминает Мегино-Кангаласский улус. Протяженность дороги «Колыма» здесь составляет 80 км. Значения ТРП колеблются от 5 баллов в западной части до 18 баллов в центральной части улуса. Средние значения составляют 7,6 балла, что немного меньше, чем в соседнем Мегино-Кангаласском улусе.

Характер рельефа равнинный. Больших перепадов высот в данном регионе не наблюдаются. Также распространены мерзлотные формы рельефа. Из гидрологических ресурсов здесь распространены многочисленные озера среднего размера. По территории протекают реки Таатта, Алдан и Амга. В административном центре с. Чурапча имеется музей им. Д.П. Коркина – известного тренера по вольной борьбе. Интересен памятник якутскому богатырю Боотур Уусу с невестой.

Трасса на территории Чурапчинского улуса грунтовая. Но частично имеется асфальт в с. Чурапча. Имеются затопляемые территории вблизи крупных рек. Объекты

дорожной инфраструктуры развиты хорошо в административном центре. Мобильная сеть поддерживается не всеми операторами и не везде. На некоторых участках мобильная связь отсутствует.

К востоку от Чурапчинского улуса располагается Таттинский улус. Протяженность дороги здесь составляет 150 км. Значения ТРП колеблются от 1 до 18 баллов, составляя в среднем 6,9 балла. В улусе распространены мерзлотные формы рельефа. Но после сворота за селом Уолба аласы практически исчезают. Имеются многочисленные озера. По территории протекают крупные реки-Таатта и Алдан. Периодически река Таатта выходит из берегов, что приводит к наводнениям. В периоды паводков, половодий и затяжных дождей могут возникнуть проблемы с движением по дороге «Колыма». Это необходимо учитывать при планировании поездок.

Таттинский улус является своеобразным литературным центром Якутии. В данном районе имеется знаменитый «Черкехский этнографический музей им. Д.К. Сивцева – Суорун Омоллоона». Данный музей является главным аттрактивным объектом, прибавляя существенные баллы к туристско-рекреационному потенциалу района. В музее экспонируются юрты, в которых проживали во время ссылки В. Короленко, П. Алексеев и др. Также вдоль трассы можно увидеть многочисленные памятники, посвященные литературным персонажам якутского писателя Суорун Омоллоона: «О5о Куйуурдуу турара» (Ребенок-рыбак), «Котордор Мунньахтара» (Собрание птиц). Внимание туристов также привлекает скульптурная композиция «Олонхосут» на границе с Чурапчинским улусом, а также скульптура народного якутского богатыря «Ньургун Боотур». Трасса в улусе преимущественно грунтовая. Местами имеется асфальт, но плохого качества. Объекты дорожной инфраструктуры представлены в селах. Мобильная сеть имеется не во всех населенных пунктах. АЗС в данном районе размещены в более крупных населенных пунктах, таких как Ытык-Кюель, Черкеех, Кыйы. То же самое и с придорожными кафе.

Таким образом, Центральная Якутия обладает всеми необходимыми составляющими социально-хозяйственной инфраструктуры для организации туристско-рекреационной деятельности: учреждения питания, размещения, досуга и развлечения, развитая транспортная сеть, историко-культурные и природные объекты. По туристической ценности выделяются мерзлотные формы рельефа, озера, музеи и памятники.

В Восточной Якутии трасса проходит по Томпонскому и Оймяконскому улусу. Эта территория обладает более высоким туристско-рекреационным потенциалом. Прежде всего, за счет своеобразия природы и уникальности истории развития. Однако развитию туризма препятствует крайне низкий уровень развития туристской и дорожной инфраструктуры.

Томпонский район занимает низменное левобережье реки Алдан и горное междуречье Алдана и Индигирки. Район отличает наличие многочисленных участков с

красивыми видами. Повышает привлекательность густая речная сеть, покрывающая территорию района. На реках нередко можно увидеть водопады и наледи – одни из самых привлекательных для туристов объектов природы. Кроме того, на территории Томпонского района встречаются родники с чистой водой.

Район интересен своей уникальной, зачастую трагической, историей, связанной с деятельностью Дальстроя. К востоку от поселка Хандыга возможно посещение мест исправительно-трудовых лагерей. В п. Хандыга можно посетить музей им. Ф.К. Охлопкова, в Теплом Ключе - музей «Магаданская трасса».

Горный рельеф Томпонского района усложнил строительство дороги и ее конфигурацию. Ежегодно ведутся ремонтные работы на дороге – реконструкции и строительство мостов, расширение прижимов и т.д. Вдоль трассы встречаются остатки старых деревянных мостов. Для туристов могут быть интересны прижимы – узкие участки дороги между горами и долинами рек. Несмотря на расширение этих участков, они не потеряли своей пейзажной ценности и остаются самыми известными участками колымской трассы. Еще один интересный объект на дороге – Чертовы ворота. Это скала, через которую вручную была вырублена дорога. Атрактивности этому объекту добавляют многочисленные мрачные легенды.

Уровень развития дорожной инфраструктуры гораздо ниже, чем в Центральной Якутии. Мобильная сеть действует только в населенных пунктах – п. Хандыга и с. Теплый Ключ. Безналичная оплата осуществляется только в п. Хандыга. Там же имеются банкоматы и гостиницы. Между населенными пунктами очень большие расстояния, вследствие чего АЗС встречаются редко. Поэтому необходимо учитывать затраты топлива. В кафе меню становится скуднее, а цена выше чем в Центрально-якутских улусах.

Оймяконский улус выделяется самым высоким туристско-рекреационным потенциалом. Его повышает своеобразие рельефа – горы разделяются обширными плоскогорьями, а также пейзажность на горных перевалах. В Оймяконском улусе распространены скалы-останцы – кисляхи (тас-кыстабыт). В отличие от знаменитых Верхоянских кисляхов, оймяконские расположены вблизи от населенных пунктов и занимают большую площадь. На многочисленных реках часто встречаются наледи. Самым известным объектом района является Полюс холода, расположенный в с. Томтор. Именно это место обладает самым высоким туристическим потенциалом.

Дорога «Колыма» в Оймяконском районе, как и в соседнем Томпонском, активно реконструируется. Но, несмотря на это, до сих пор имеется множество опасных участков, которые необходимо проезжать с осторожностью.

В Оймяконском районе встречаются остатки заброшенных населенных пунктов (Кюбюме и др.), исправительных лагерей Дальстроя. В административном центре Оймяконского улуса можно посетить краеведческий музей, музеи имеются в селах Томтор, Оймякон, Ючюгей.

Уровень развития туристской инфраструктуры очень низок. Самая большая проблема – отсутствие гостиниц на Полюсе холода. Также сдерживает развитие туризма отсутствие регулярных пассажирских перевозок между населенными пунктами. Мобильной сетью покрыта небольшая часть территории района. Банкоматы имеются в п. Усть-Нера, там же осуществляется безналичная оплата. Цены на бензин и на продукты очень высокие, чем в центральных улусах.

Таким образом, оценка туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к дороге «Колыма» позволила выделить наиболее перспективные участки (рис. 1). Зеленым цветом выделены участки с наименьшим потенциалом (2-9 баллов). Желтым (10-13 баллов) – обозначены территории со средним уровнем потенциала. Красным (14-21 баллов) цветом отмечены участки с наивысшим туристско-рекреационным потенциалом.

Карта туристско-рекреационного потенциала территории, прилегающей к трассе Колыма

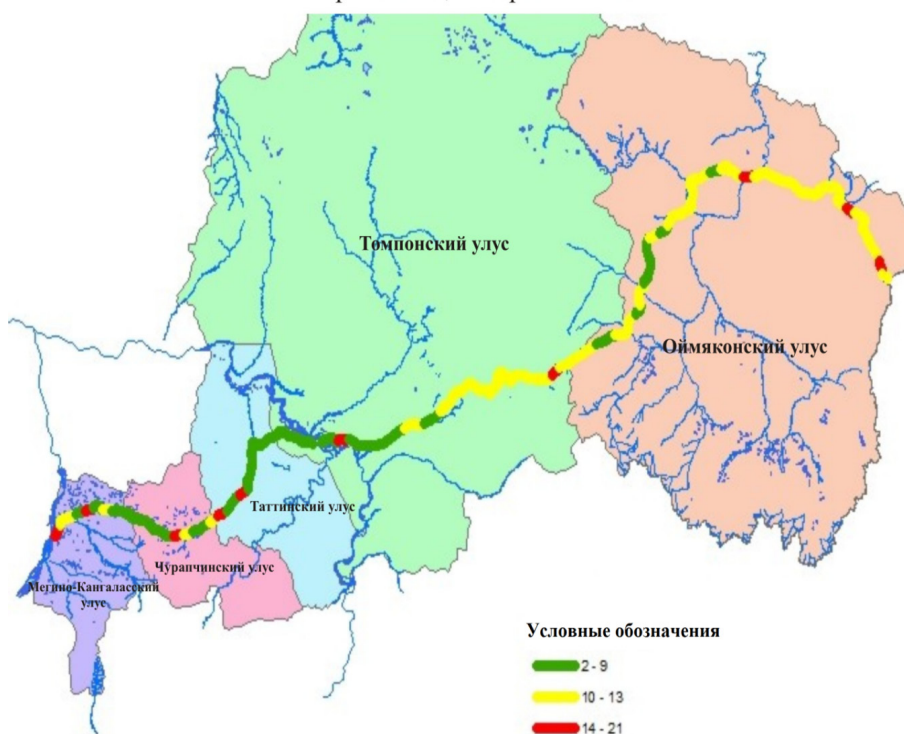

Рис 1. Туристско-рекреационный потенциал территории, прилегающей к дороге «Колыма» (баллов)

Анализ туристско-рекреационного потенциала позволил определить средние баллы по улусам (табл. 1).

Таблица 1

Значение туристско-рекреационного потенциала по улусам

Улусы	Максимальный балл	Минимальный балл	Средний балл
Мегино-Кангаласский	18	7	11,4
Чурапчинский	20	7	9,5
Таттинский	20	3	8,7
Томпонский	19	7	10,8
Оймяконский	23	9	11,6
Всего пять улусов	20	6,6	10,4

Оймяконский улус обладает самым высоким туристско-рекреационным потенциалом за счет историко-культурных и природных объектов. Средним потенциалом обладают Мегино-Кангаласский улус (за счет развитости инфраструктуры) и Томпонский улус. Чурапчинский и Таттинский улусы получили сравнительно низкие значения туристско-рекреационного потенциала.

В целом для развития туризма необходимы не только конкретные туристические объекты, а также развитая инфраструктура. Все пять улусов по шкале оценок имеют средний потенциал.

Оценка объектов и явлений культурно-исторического наследия позволяет говорить о возможности развития на территории культурно-познавательного, этнографического, научного туризма.

Литература

1. Кокина, Ю.В. Особенности современного освоения рекреационного потенциала Волжского водного пути (на примере круизного туризма) / Ю.В. Кокина // Проблемы региональной экологии, 2011. – №1. – С. 94-97.
2. Лазаревская, С.В. Анализ туристского рынка Забайкальского края / С.В. Лазаревская // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. Вып. № 8. – Тамбов, 2009. – С. 152-157.

*Ирина Астахова**

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ЯКУТИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

RELIGIOUS IDENTITY OF THE POPULATION OF YAKUTIA: HISTORY AND MODERNITY

Статья представлена на Международной научной конференции «Культурное наследие и устойчивое развитие народов Севера», 26-27 мая 2016 года, г. Якутск. При поддержке КПФИ СО РАН II.2П/ХП.186-2. «Историческая память в поликультурном пространстве Якутии: формирование и трансформация арктической идентичности».

В статье рассматривается религиозная идентичность самых многочисленных этносов Якутии – якутов и русских. Прослежены изменения в исторической ретроспективе религиозной идентичности русских, под влиянием духовной культуры коренных жителей Якутии. Рассмотрена трансформация религиозной идентичности коренных народов Якутии вследствие проникновения православных традиций. На основе социологических исследований (интервьюирование, анкетный опрос) проанализирована религиозная ситуация в постсоветской Якутии. При анализе полученных результатов выявлен ряд тенденций. Русское население Якутии отдает предпочтение православию, число верующих среди них постоянно растет. Информанты подчеркивают, что общая вера помогает русским ощущать себя единым народом. Среди коренных народов Якутии наблюдается большое число «неопределившихся» и распространено «двоеверие». Религиозное сознание коренного населения Якутии, как и столетия назад, занимает Русская православная церковь и язычество.

Ключевые слова: Якутия, якуты, русские, религиозность, религиозная идентичность, православие, язычество, двоеверие.

The article deals with the religious identity of the most numerous ethnic groups of Yakutia – Yakuts and Russian. Changes in a historical retrospective of the Russians religious identity, under the influence of spiritual culture of the indigenous inhabitants of Yakutia are tracked. And in the article considered the transformation of religious identity of the indigenous peoples of Yakutia due to the penetration of the Orthodox

*Ирина Сергеевна Астахова, младший научный сотрудник сектора арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: Irasta@list.ru, Irina Astakhova, Research Fellow of the Arctic Researches Department, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

tradition. On the basis of sociological research (interviews, questionnaires) analyzed the religious situation in post-Soviet Yakutia. The analysis of the obtained results revealed a number of trends. The Russian population of Yakutia, prefers the Orthodox, the number of believers among them is constantly growing. The informants emphasize that a general faith helps Russians to feel themselves as one people. Among the indigenous peoples of Yakutia there is a large number of «undecided» and common «dual faith». The religious consciousness of the indigenous population of Yakutia, as centuries ago, is the Russian Orthodox Church and paganism.

Key words: Yakutia, Yakut, Russian, religiosity, religious identity, Orthodoxy, paganism, dual faith.

Вопросы религиозной идентичности, в современном мире, приобретают особую актуальность, учитывая участвовавшие в мире конфликты на религиозной почве. В России многовековое проживание различных этнических и конфессиональных групп на одной территории, в рамках общего государственного образования, послужило складыванию особого религиозного климата, основанного на толерантности и взаимном уважении. В данной статье рассмотрим религиозную идентичность регионообразующих этносов Якутии: якутов и русских, на долю которых приходится более 85% населения Якутии [4].

Религиозная идентичность – это форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм. По мнению ряда ученых, религиозная идентичность является одной из первых форм самосознания человека и потому находится у истоков формирования других видов идентичностей (этнической, культурной, гражданской и т.д.). В формировании религиозной идентичности, как традиционной и долговременной формы, превалирует сила исторической инерции [3].

Наиболее общей базовой характеристикой религиозной идентичности является состояние религиозности. Оно синтезирует качественно-количественную определенность уровня, степени и характера религиозности в их единстве и устойчивом сочетании с личностным восприятием своей принадлежности к данному мировоззрению [7, 68]. Разработаны индикаторы религиозности: самооценка индивидом себя как верующего, отнесения себя к определенному религиозному объединению (конфессии), участие в религиозных действиях (посещение богослужений, знания священных текстов, соблюдение религиозных обрядов и предписаний и т.п.).

В XVII в. с приходом русских среди якутов, исповедующих традиционные верования, начинает распространяться православие. Проникновение христианства в аборигенные сообщества было минимальным. Крестились те, кто находился в тесном межэтническом контакте: служилые люди, ясари, жонки, находящиеся в услужении у русских. Принятие христианства способствовало инкорпорации в иную этносоци-

альную среду, и запускало ассимиляционные процессы. В начале XVIII в. верхушка якутского общества для повышения своего социального статуса, принимает православие. Крещение демонстрировало преданность государству. Лишь в 60-е гг. XVIII в. Русская православная церковь (далее РПЦ), при государственной поддержке, осуществила массовое крещение инородцев. Создавались церковно-приходские структуры, строились храмы, реализовывалась миссионерская деятельность и т.д. К 30-м гг. XIX в. практически все население Якутии считалось православным [9, 241]. К концу XIX в. повсеместно получили распространение христианские имена, православные обряды и традиции, что безусловно, повлияло на национальную культуру народов Якутии. В 1919 г. в Якутской епархии насчитывалось более 130 церквей, разбросанных по огромной территории, расположенных, в том числе и в отдаленных наслегах [10, 382-387]. Необходимо отметить, что языческие традиции продолжали занимать значительное место в культуре коренного населения. Святитель Иннокентий (Вениаминов) полагал, что двоеверие должно стать переходным этапом на пути к христианству. Но с приходом к власти большевиков и провозглашением атеистической идеологии, религиозное сознание коренных народов долгие годы не могло преодолеть этот переходный этап.

В среде переселенцев преобладали приверженцы автокефальной РПЦ, а также на религиозную идентичность русского старожильского населения Якутии оказали влияние старообрядцы и сектантские течения XIX в.: скопцы, духоборы, толстовцы [2, 123-147]. Переселенцы бережно сохраняли традиции и обычаи, связанные с православием, но необходимо отметить, что постепенно элементы материальной и духовной культуры автохтонного населения были восприняты русскими. В частности, традиции и обычаи, связанные с промыслами: кормление огня и почитание духов природы. В культуру и традиции русского населения вошло празднование Ысыаха.

В советский период политика «воинствующего атеизма» привела к практически полному уничтожению религиозной жизни в Якутии. В 1939 г. был закрыт последний православный храм – Градо-Якутская Николаевская церковь. Здание церкви было передано Якутскому городскому Совету, но Николаевская церковь (молитвенный дом) продолжала действовать [10, 21-22]. По данным отдела агитации и пропаганды обкома КПСС в 70-х гг. XX в. в ЯАССР насчитывалось всего около 200 чел. Верующих [8, 21]. Традиционные верования коренного населения, также подвергались гонению. Но в то же время, как отмечается, специалистами по истории повседневности, некоторые элементы религиозных традиций, связанные с православными и языческими праздниками, прочно укрепились в жизни обывателя, вне зависимости от национальной принадлежности.

Религиозная идентичность формируется под влиянием внешних факторов, прежде всего состояния социокультурной жизни общества. В конце 80-х гг. XX в. по результатам социологических исследований, в Якутии наблюдался религиозный вакуум.

Общество было открыто для всего нового, наметился поиск новой идентичности. Возрождение религий и религиозного сознания общества, происходило в республике уже в 1990-е гг. В 1993 г. возрождается Якутская епархия РПЦ, которой была передана ее бывшая собственность и начата работа по восстановлению храмов. В целом деятельность РПЦ, находя одобрение со стороны республиканских властей, полностью поддерживалась общественностью. Православие в общественном сознании традиционно связывается с восстановлением государственности. Именно в это время предпринимаются первые попытки реконструировать «традиционную якутскую веру» и были открыты все двери зарубежным религиозным организациям (католицизм, протестантизм, бахаи и т.д.). Во второй половине 90-х гг. XX в. власть начинает осознавать, что религиозный вопрос требует особого внимания и происходит постепенное усиление государственного контроля над деятельностью религиозных объединений [1, 46].

В 2006 г. ГУ «Информационный центр при Президенте РС (Я)» проводил социологическое исследование, в результате которого к категории «верующий» себя отнесли 39,5% населения республики, 41,7% соблюдают религиозные обряды, но не считают себя верующими, атеистов – 9,9%, затруднились ответить 9% опрошенных. В год исследования в религиозном пространстве Республики Саха (Якутия) были представлены более 15 различных религиозных течений. Главенствующее положение занимало как по числу приверженцев, так и по возможности влиять на общественное сознание христианство (в первую очередь православие: к прихожанам Русской православной церкви себя отнесли почти 45% верующих жителей республики; к другим христианским конфессиям – 3,7%), затем шли традиционные верования якутов и коренных малочисленных народов Севера – 26,2%, ислам (1,2%), буддизм (1%), иудаизм (незначительное число) и ряд новых религиозных движений (общим числом до 2,5%). Также примерно 23% жителей не определились со своей религиозной принадлежностью [5].

В последнее десятилетие в рамках различных проектов сотрудниками ИГИ-ИПМНС СО РАН проводились исследования современной религиозной ситуации в Якутии. [6] При анализе полученных результатов выявлен ряд тенденций. Подавляющее большинство верующих респондентов русской национальности отдают предпочтение христианству, прежде всего православию. Число верующих увеличивается, но рост отмечается не значительный. Традиционно среди женщин количество «верующих» преобладает, чем среди мужчин. Учитывая возрастной фактор, самый большой процент верующих наблюдается среди респондентов старше 60 лет и среди молодежи. Религиозную службу постоянно посещает почти треть верующих, основная масса бывает в церкви только на великие праздники или время от времени по «душевной надобности». Обращение в веру стало более осознанным, в отличие от конца 1980-х - 1990-х гг., когда крещение в большинстве случаев происходило без подготовительного этапа, достаточно было желание верующего и иногда небольшой беседы. В интервью новообращенные отмечают, что одним из мотивов побудивший на этот шаг является ощущение единства русского народа через общую веру.

Около половины верующих респондентов якутов отдают предпочтение традиционным верованиям и язычеству, следующий по распространенности ответ является «христианство», лишь затем – православие. Число православных верующих среди якутов выше в городских поселениях. Необходимо отметить, что многие респонденты не могли окончательно определиться с ответом, находясь перед выбором между «христианством» и «язычеством». Аналогичная картина наблюдается и при анализе данных, полученных от респондентов КМНС. Это говорит о проявлении феномена двоеверия.

Для Якутии характерно распространение неоязычества, основанного на повышенном интересе коренных народов к своей национальной культуре и дохристианским верованиям. Традиционные верования у большинства респондентов коренных национальностей неразрывно связаны с национальной культурой, а соблюдение религиозных обычаев и обрядов часть этнической идентичности и возможность сохранить свой этнос. Очень часто респонденты отмечают, что они не являются верующими, но затем обозначают в анкете свою приверженность традиционным верованиям. При этом некоторые респонденты посещают православные храмы и даже совершают обряд крещения.

Таким образом, русское население Якутии, отдают предпочтение православию, число верующих среди них постепенно растет. Информанты подчеркивают, что общая вера помогает русским ощущать себя единым народом. Среди коренных народов Якутии наличие большого числа «неопределившихся» и распространение «двоеверия» являются маркером уровня религиозности общества и говорят о том, что в отличие от многих национальных республик религия не стала для якутов объединяющим началом и механизмом национального возрождения. Главными «конкурентами» в борьбе за религиозное сознание коренного населения Якутии остаются, как и столетия назад, Русская православная церковь и язычество.

Автор не претендует на исчерпывающее и полное раскрытие этой не простой темы. Выявленные тенденции в развитии религиозной ситуации в постсоветской Якутии, полученные при анализе материалов различных исследований, требует дальнейшей разработки.

Литература

1. Астахова, И.С. Религиозная идентичность коренных народов Якутии на современном этапе (по материалам полевых исследований) // Якутский архив 2011. – № 3 (доп.). – С. 45-53.
2. Башарин, Г.П. История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.). – Т. 1. – Якутск : Якутское книжное издательство, 1989. – 350 с.
3. Медчелов, М.П. Религиозная идентичность в мультикультурном обществе. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социс 2006. № 10 URL: http://www.isras.ru/socis_2006_10.html

4. Национальный состав и владение языками, гражданство Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб. Т. 4. Кн. 2. – Якутск, 2013. – С. 6.
5. По данным ГУ «Информационный центр при Президенте РС (Я)» на 2006 г.
6. Среднеколымская экспедиция 2004 г., Жиганская комплексная экспедиция 2008 г., исследования в рамках гранта РГНФ 10-01-79101 а/Т «Православие в исторических судьбах Коренных народов Якутии» 2010-2011 гг., Социологическое исследование религиозной ситуации в г. Якутске в 2014 г., пилотное социологическое исследование в селе Синск Хангаласского района РС (Я) в 2016 г., исследования в рамках ряда Этнологических экспертиз 2015, 2016 гг.и т.д.
7. Тощенко, Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа. – Москва : Институт социологии РАН, 2008. – С. 62-85.
8. Шишигин Е.С. Проблемы возрождения православной церкви в Якутии // Межрегиональные особенности межнациональных отношений. – Якутск, 1994.
9. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. – Новосибирск : Наука, 2000. – 277 с.
10. Юрганова И.И. Церкви Якутии: Краткая история. 2-е изд., перераб. и доп. – Якутск, 2010. – 400 с: ил.

*Валентина Шапошникова**

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ
ОЛОНХО К.Г. ОРОСИНА «НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»
НА РУССКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ**

THE WAYS OF THE TRANSLATION OF THE EMOTIONALLY COLORED
LEXIS IN THE OLONKHO OF K.G. OROSIN "NURGUN BOOTUR,
THE SWIFT" INTO RUSSIAN AND FRENCH

Статья представлена на Международной научной конференции «Культурное наследие и устойчивое развитие народов Севера», 26-27 мая 2016 года, г. Якутск.

Передача национально-культурного колорита произведения является сложной задачей для переводчика. Перевод олонхо, которое считается вершиной якутского фольклора и синтезом многих искусств, в силу своего стиля и высокой частотности употребления эмоционально-оценочных слов представляет еще большую сложность. Трудность перевода олонхо определяется еще и тем, что языки оригинала и перевода принадлежат к разным культурам.

Целью данной статьи является выявление способов перевода эмоционально-оценочных слов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К.Г. Оросина на русский и французский языки.

В данном олонхо было выявлено более 330 эмоционально-оценочных слов. Для передачи якутских эмоционально-оценочных слов на русский и французский языки в переводах были использованы следующие способы лексической трансформации: генерализация, описательный перевод, лексическая замена, опущение, добавление. Анализ способов передачи эмоционально-оценочных слов олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» показывает, что:

- при переводе на русский язык были использованы: генерализация (51%), описательный перевод (22%), синонимическая замена (15%), добавление 7%, опущение 5%.

- при переводе на французский язык: генерализация (40%), описательный перевод (27%), опущение (12%), синонимическая замена (10%), добавление (7%), морфологическая замена (части речи) 4%.

*Валентина Иннокентьевна Шапошникова, доцент кафедры французской филологии ИЗФиР СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: vi.shaposhnikova@s-vfu.ru

Valentina Shaposhnikova, Associate Professor of Department of French Philology, Institute of Foreign Languages and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

При переводе часто происходит потеря коннотативных значений эмоционально-оценочных слов. Переводчику приходится решать сложные задачи во избежание смысловых и образных потерь. Анализ перевода выявил необходимость более глубокого проникновения в суть эпической коннотации.

Ключевые слова: эмоция, эмоциональность, эмоционально-оценочные слова, оценка, интенсивность, образность, сопоставительный анализ, способы перевода, замена, генерализация.

The topic of discussion in this article is of a great significance because it gives a detailed insight into the transfer of specific national and cultural features of fiction. This is a very difficult task for a translator to achieve. The Olonkho is considered to be the masterpiece of Yakut folklore and a synthesis of many arts because of its unique style and a great number of emotionally colored words used frequently throughout the text and this makes it one of the most difficult epics for translation. The difficulties in translating Olonkho may also occur due to the fact that the texts of the source language and target language reflect different cultures.

The aim of this article is to translate the emotionally colored words used into French and Russian in the Olonkho epic *Nurgun Botur, the Swift* by K.G. Orosin.

In this Olonkho more than 330 emotionally colored words were identified. The following lexical transformations were used in the process of translating the Yakut emotionally colored words into both – Russian and English: generalization, descriptive translation, lexical replacement, omission, addition. The analysis of the ways of the Yakut-Russian translation of emotionally colored words in the Olonkho of K.G. Orosin “Nurgun Bootur, the Swift” shows, that:

in the translation into Russian were used: generalization (51%), descriptive translation (22%), lexical replacement (15%), addition (7%), omission (5%).

in the translation into French were used: generalization (40%), descriptive translation (27%), omission (12%), lexical replacement (10%), addition (7%), morphological replacement (parts of speech) 4%.

In the process of translating emotionally colored words, partial semantic losses are inevitable on the connotative level. Translators have to solve such difficult tasks in order to maintain the semantic and imagery structure of the fictional text. The translation analysis showed that there needs to be a more thorough research into the problem of connotation in epic literature.

Key words: emotion, emotionality, emotionally colored words, evaluation, intensity, imagery, comparative analysis, translation techniques, replacement, generalization.

Введение. Теоретическая база исследования основывается на трудах Е.М. Вольф, В.Г. Гак, В.Г. Гарбовского, Е.М. Галкина-Федорук Н.А., Лукьяновой, В.Н. Телия и др. [1, 2, 3, 4, 5, 6].

Языковое значение подразумевает единство двух компонентов: познавательного содержания как специфически человеческого отражения объективной реальности и коммуникативной оценки этого содержания. Кроме того, «возможен и третий компонент – экспрессивно оценочный, в основе которого лежит личная заинтересованность, эмоциональное отношение к высказыванию.

Именно личная заинтересованность субъекта для выражения своего отношения к объекту речи, характерны для тех слов, которые составляют эмоционально-оценочную лексику в системе каждого языка. [7; 14]

Галкина-Федорук Е.М. считает, что познание действительности всегда сопровождается эмоциональной оценкой того, что познается. [4; 104]

Лукьянова Н.А. эмоционально-оценочными считает слова и лексико-семантические варианты, такие как ‘трудяга’, ‘нахал’, ‘тюфяк’, ‘фискал’ и т.п., которые «выражают своей семантикой эмоциональную оценку говорящего – положительную или отрицательную. При этом она подчеркивает тесную связь эмоциональности и оценочности, считая, что «оценочность всегда сопровождается эмоциональностью». [5; 107]

В якутском языкознании изучением эмоционально-оценочных слов в свое время занимались Афанасьев П.С., [8] Лиханов В.И., [7] Слепцов П.А., [9] Петрова Т.И. [10] и др. Афанасьев П.С. понимает под «эмоциональными словами» слова, которые наряду с предметным содержанием имеют свойство выражать отношение-оценку (эмоцию) говорящего к понятию.

Эмоцию говорящего автор выявляет сопоставлением эмоционального слова с нейтральным, например, ‘мэниэһин-сиэ’, ‘сэлэс-сэһэргэс’, где при помощи ‘мэниэһин’ передается чувство неодобрения, а словом – ‘сэлэс’ – чувство осуждения. [8; 7]

Взгляды вышеприведенных авторов имеют в основном одну общую основу: эмоционально-оценочными называются слова, которые способны выражать отношение говорящего к фактам действительности.

В определении количественного и качественного состава коннотативного содержания в языкознании и лингвистике существуют различные точки зрения. В основном, мы придерживаемся мнений тех авторов и исследователей, выделяющих в качестве коннотативных компонентов «эмоциональную оценку», «интенсивность» и «образность».

Таким образом, можно сказать, что эмоционально-оценочными считаются лексические единицы, в значении которых заключена качественно-количественная характеристика предмета, сопровождаемая всегда выражением эмоциональной оценки говорящего к предмету речи и его образным представлением как усиление воздействующей силы высказывания. Коннотативными компонентами эмоционально-оценочных слов всегда выступают «эмоциональная оценка», «интенсивность» и «образность».

Основой нашей работы являются положения, выдвинутые В.И. Лихановым в его монографии «Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке» [Лиханов, Новосибирск: Наука, 1994. – 130 с].

На современном этапе развития якутского **языкознания актуальным** является глубокое исследование языка героического эпоса олонхо, т.к. он является вершиной и синтезом всех жанров устного народного творчества якутов.

Выбор темы обусловлен отсутствием работ о способах передачи эмоционально-оценочной лексики олонхо с якутского на французский язык.

Материалом нашего исследования послужил весь корпус олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» и его переводы на русский и французский языки.

Объектом исследования является эмоционально-оценочная лексика в олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» и в его переводах на русский и французский языки.

Целью данной работы является выявление способов передачи эмоционально-оценочной лексики олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» с якутского на русский и с русского на французский языки

В результате исследования лексики олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» нами было выявлено около 330 эмоционально-оценочных лексических единиц.

Анализ способов передачи эмоционально-оценочных слов олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный» показывает, что:

- при переводе на русский язык были использованы: генерализация (51%), описательный перевод (22%), синонимическая замена (15%), добавление 7%, опущение 5%.

- при переводе на французский язык: генерализация (40%), описательный перевод (27%), опущение (12%), синонимическая замена (10%), добавление (7%), морфологическая замена (части речи) 4%.

Рассмотрим их на примерах:

1. «Кэлин өттүбэр хара дьайдаах киһи буолуом...» [11; 218]

«Сзади меня сопровождает черная нечисть...» [11; 219]

«Derrière moi, c'est l'impureté la plus noire...» [12; 63]

В данном примере «дьай» употреблено в значении «дух смерти». Слово *дьай* имеет отрицательную эмоциональную окраску, создает образ смерти.

В «Толковом словаре якутского языка» П.А. Слепцова слово *дьай* имеет следующие значения:

Дьай – 1) поэт. Киһиэхэ сору-муну, ыарыыны, өлүүнү аҕалар күүс (тыын, сидьинг, үксүн хара, хараҥа диэн эпитеттэри кытта туттулар). Сила (дух, нечисть), приносящая человеку страдания, болезни, смерть (обычно употребляется с эпитетами хара, хараҥа);

2) Куһаҕан дьаллык. Дурная привычка, порок; [13; 286]

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского также находим аналогичное определение:

Дьай – Дрянь, грязь, нечисть (в духовном смысле), приставшая со стороны. [14; 773]

«Якутско-французский словарь» Н.Н. Гаврильева дает следующие значения якутскому слову *дьай*:

- 1) *Esprits malins* (злые духи);
- 2) *Esprits des ténèbres* (темные духи). [15; 64]

Слово «дьай» переведено на русский язык словом «нечисть».

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова это слово имеет следующие значения:

Нечисть – В поверьях: нечистая сила. [16; 528]

Слово *нечисть* в данной предметной ситуации имеет значение «нечистая сила». Коннотативный компонент «образность» слова «дьай» и «нечисть» не совпадают. Коннотативный компонент «интенсивность» слова «дьай» в контексте приобретает еще ярче свое отрицательное значение.

Слово «нечисть» переведено на французский язык словом *impureté*. В словаре французского языка *Petit Robert* имеются следующие значения этого слова:

Impureté – Caractère de ce qui est impur; chose impure (нечистота) [17, 1327]

Как мы видим, слово «*impureté*» не имеет коннотации слова «нечисть». Для передачи коннотации переводчик использует описательный перевод.

2. «Тоҕус суол тутааҕар, тийиэн тоһуйуом; уонна тийибэтэбинэ – сараһын сирэй саатыаҕа...» [11; 280]

«Я буду ждать его..., если он не придет туда, то буду думать, что *дьявольская рожа* испугалась меня...» [11; 281]

«Je l'attendrai à la croisée...au noeud des neuf routes, au Carrefour des neuf voies et s'il ne vient pas, je pourrais penser alors c'est moi que sa trogne *de diable* a effrayé...» [12; 82]

В этом примере эмоционально-оценочное слово *сараһын* имеет отрицательную эмоциональную окраску. Говорящий выражает чувство пренебрежения и презрения. Рассмотрим определения слова *сараһын*.

По определению «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского слово *сараһын* имеет следующие значения:

- 1) Лукавый, злой дух (абаасы);
- 2) С обнаженным лицом, наголицый. [14; 2098]

В данной ситуации словом *сирэй* обозначается конкретный персонаж- богатырь абаасы Уот Усутаки. Слово *сараһын* в контексте является прилагательным и имеет значение 'злой дух (абаасы)'. В якутской культуре понятие 'абаасы' совпадает с русским понятием 'дьявол'. Следовательно, словосочетание *сараһын сирэй* буквально понимается как 'дьявольское лицо'.

При переводе на русский язык словосочетание *сараһын сирэй* (дьявольское лицо) заменяется на более подходящим по эмоциональной оценке выражением *дьявольская рожа*. Данную замену, мы считаем, успешной, т.к все три компонента «эмоциональная оценка», «интенсивность» и «образность» совпадают в обоих словах «сараһын» и «дьявольская».

Французский переводчик также использует замену для передачи словосочетания *дьвявольская рожа*. Он переводит *trogne de diable*. Определим значения этих слов.

В словаре Petit Larousse слово *trogne* имеет следующие значения:

Trogne – fam. Visage enluminé, révélant l'habitude de la bonne chère (красная физиономия обжоры). [18; 1942]

В словаре Petit Robert мы находим такие определения этого слова:

Trogne – fam. 1) Visage grotesque ou plaisant (гротескное лицо, рожа);

2) Figure rubiconde d'un gros mangeur, d'un buveur. (физиономия чревоугодника, обжоры). [17; 2689]

Таким образом, существительное *trogne* имеет отрицательную эмоциональную оценку, выражает чувство презрения.

Прямое значение слова *diable* – 'дьявол'.

Во французском переводе происходит морфологическая трансформация-замена прилагательного существительным: прил.+сущ. (*дьвявольская рожа*)= французскому (*trogne de diable*) (сущ.+пред.+сущ.). Синтаксическая конструкция *de diable* выступает в функции прилагательного и означает 'дьвявольский или то, что относится к дьяволу'.

3. «Сирэйин үс төгүл буорга аҕаата, ыйдынатааҕы тиит күлүгүн курдук буор хара киһи ол курдук дьүһүлэннэ...» [11; 128]

«Черный богатырь лицо свое умастил глиной: человек, подобный тени ливственницы в лунную ночь, так *поступил*...» [11; 129]

«...Puis ce noir batur, visage masqué d'argile, homme comme l'ombre du mélèze une nuit de lune s'*avança*...» [12; 32]

Абаасы Ыйыста Хара – сильнейший богатырь Нижнего мира, перед сражением с Нюргун Боотуром показывает своими действиями, как он презирает и недооценивает его. Читатель видит действия абаасы глазами Нюргун Боотура. Глагол *дьүһүлэн* выражает отвращение.

В «Толковом словаре якутского языка» П.А. Слепцова глагол *дьүһүлэн* имеет следующее значение:

Дьүһүлэн – туохт. Киһилии дьүһүһүннүһүн-майгыгын уларытан, сиэри суох сөргүтүк тутун, дьаабылан. Вести себя непристойно, неприлично, измениться в худшую сторону. [13; 473]

«Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского дает следующие значения этому слову:

Дьүһүлэн – Принимать на себя иной вид, вести себя так, как не следует, расходиться, неистовствовать, вообще вести себя неприлично. [14; 876]

При переводе на русский язык глагол *дьүһүлэн* заменен глаголом со значением *поступить*. Этот глагол стилистически нейтрален. В основном, глагол подчеркивает факт совершения какого-то действия.

В «Толковом словаре русского языка» В.В. Лопатина слово *поступить* имеет следующие значения:

- Поступить* – 1) Совершить какой-нибудь поступок;
2) Устроиться куда-нибудь;
3) Прибыть по назначению. [19; 490]

«Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова дает аналогичные определения:

- Поступить* – 1) Совершить какой-либо поступок, сделать что-либо по отношению к кому, чему-либо;
2) Устроиться куда-либо;
3) Дойти, прибыть по назначению. [20; 939]

Таким образом, при переводе на русский язык глагол «дъүһүлэн» теряет коннотативные значения «эмоциональная оценка», «интенсивность» и «образность». В переводе применен способ генерализации.

На французский язык глагол *postupit* заменен возвратным глаголом *s'avancer*. Этот глагол передает читателю другую картину. Он создает образ «приближающегося к Нюргун Боотуру абаасы». В оригинале и в русском переводе абаасы не делает встречных движений. Он совершает неприличные поступки, чтобы показать свое презрение к Нюргун Боотуру.

Французский глагол *s'avancer* имеет следующие значения в словаре Petit Larousse:

- S'avancer* – 1) Aller ou se porter en avant (идти, пройти вперед);
2) Sortir de l'alignement, faire saillie (выйти из строя). [18; 142]

В словаре Petit Robert мы находим такое определение этому слову:

- S'avancer* – 1) Aller ou se porter en avant (идти, пройти вперед);
2) Faire saillie (). [17; 192]

В «Якутско-французском словаре» Н.Н. Гаврильева якутское слово *дъүһүлэн* имеет следующие значения:

- Дъүһүлэн* – 1) Se conduire scandaleusement (вести себя неприлично);
2) Faire le voyou (хулиганить). [15; 72]

Как видно, глагол *s'avancer* не раскрывает значения якутского глагола *дъүһүлэн*.

Таким образом, из-за замены глагола *дъүһүлэн* нейтральными глаголами в русском и французском переводах теряется отрицательная эмоциональная оценка.

В следующем отрывке речь идет о том, как Нюргун Боотур собирается искупаться в Мертвой воде Озера Смерти.

4. «Мин бу Өлүү уутугар, өлүөх ыйаахтаах киһи буоллахпына Саманан дьубарыах тустаахпын...» [11; 198]

«Если мне суждено умереть в этой Мертвой воде, то вот сейчас навеки *погружусь* в нее...» [11; 199]

«...S'il m'est donné de mourir dans L'Eau de Mort, alors que dès maintenant je m'*engloutisse* dans elle...» [12; 56]

В этом примере Нюргун говорит *дьуо5арьах тустаахпын*. Он не верит в то, что должен умереть так бесславно в Мертвой воде (в его голосе слышится сожаление, раскаяние, раздражение, обида).

Эмоционально-оценочное свойство глагола *дьуоҕар* отчетливо выступает при сравнении с нейтральным синонимом 'тимир' (тонуть, утонуть). Слово *дьуоҕар* выражает отрицательную эмоциональную оценку, означает 'исчезновение, бесславная гибель'.

В «Толковом словаре якутского языка» П.А. Слепцова глагол *дьуоҕар* имеет следующие значения:

Дьуоҕар – 1) Дьэбэрэҕэ түс, тимир. Тонуть, провалиться в топь;

2) көсп. сөбүлээб. Хаһан да арахсыа суох курдук биир сиргэ өр буол. неодобр. Задержаться, застрять где-либо;

3) көсп. сөбүлээб. Киһи ойүгэр-санаатыгар ин (куһаҕан санаа-оноо). неодобр. Оставляя неприятный осадок, тяжелое чувство в душе человека, оседать в памяти. [13; 446]

В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского:

Дьуоҕар – 1) Всасываться или погружаться в тину (в грязь), завязать (завязнуть), погрязать, тяготеть вниз, опускаться на дно;

2) Запропасться, замедиться (о человеке). Онно-манна баран дьуордаҕа! Как в воду канул! [14; 1494]

В русском языке нет соответствия слову *дьуоҕар*. Поэтому для полного раскрытия значения этого слова Г.У. Эргис использует прием добавления. Он заменяет его словосочетанием *навекы погрузиться*. Отрицательная эмоциональная оценка в русском переводе складывается из контекста. В оригинале эмоциональность и образность создаются словом *дьуоҕар*. В переводе теряются коннотативные компоненты «эмоциональная оценка», «интенсивность» и «образность».

При переводе на французский язык Янкелем Карро использован прием генерализации. Французский переводчик выбрал глагол *engloutir*.

Словарь французского языка Petit Robert определяет слово *engloutir* следующим образом:

engloutir – 1) Avaler rapidement;

2) Dépenser rapidement;

3) Faire disparaître brusquement . [17; 889]

В данном предложении французский глагол *engloutir* имеет значение «погрузиться». Таким образом, значения глаголов «погрузиться» и «s'engloutir» совпадают. Во французском переводе коннотация якутского эмоционально-оценочного слова «*дьуоҕар*» исчезает. В переводе использован способ генерализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследователи отмечают, что словарь эмоций в разных языках не одинаков, хотя все народы и этносы переживают одни и те же чувства и эмоции, т.е. в этом плане эмоции универсальны, но типологическая структура эмоциональной лексики не одинакова в разных языках, имеет свою самобытную национальную специфику.

Подводя итоги, нужно сказать, что все эмоционально-оценочные слова в данном олонхо имеют ярко выраженную эмоциональную оценку. Их перевод на другие языки представляет особую трудность.

Трудно передать без искажений в переводе сделанном через язык-посредник образность и эмоциональность оригинала олонхо. Анализ выявил, что проникновение в суть эпической коннотации эмоционально-оценочных слов якутского эпоса олонхо-сложная задача и требует дальнейшей кропотливой работы.

Литература

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. – Москва : Высш. шк., 1985. – 254 с.
2. Гак, В.Г., Григорьев, Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. – Москва : Интердиалект+, 2000. – 456 с.
3. Гарбовский, Н.Н. Теория перевода. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
4. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – Москва : Изд-во МГУ, 1958. – С. 103-105.
5. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск : Наука, 1986. – 160 с.
6. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – Москва : Наука, 1986. – 143 с.
7. Лиханов, В.И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. – Новосибирск : Наука, 1994. – 144 с.
8. Афанасьев, П.С. Лексикология якутского языка. – Якутск : Кн. изд-во, 1997. – 77 с.
9. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004. – 680 с. (буква А), Новосибирск : Наука, 2005. – 912 с. (буква Б), Новосибирск : Наука, 2006. – 680 с. (буква Г, Д, Дь, И).
10. Краткий якутско-русский словарь / сост. Т.И. Петрова. – Якутск : Бичик, 2006. – 252.
11. Оросин, К.Г., Эргис, Г.У. Нюргун Боотур Стремительный. – Якутск : Гос. изд. СССР, 1947. – 358 с.
12. Karro, Y. Niourgoun le Yakoute, guerrier cèleste. Les guerriers cèlestes du pays Yakoute – Saxa. Paris : Gallimard, 1994. – 54 p.

13. Якутско-русский словарь / Под. ред. П.А. Слепцова. – Москва : Сов. энциклопедия, 1972. – 608 с.
14. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка. – Санкт-Петербург : Наука, 2008. – Т. 1. – 1279 с., Т. 2. – 1281-2508 с., Т. 3. – 2509-3858 с.
15. Гаврильев, Н.Н., Артамонов, В.П. Краткий якутско-французский словарь. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 2002. – 368 с.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : А ТЕМП, 2004. – 944 с.
17. Petit, Robert. Dictionnaire de la langue française. – Paris, 2004.
18. Petit, Larousse. Dictionnaire de la française. – Paris, 1994.
19. Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е. Русский толковый словарь. – Москва : Рус. яз., 1997. – 832 с.
20. Большой толковый словарь русского языка/сост. и гл. ред. С.А. Кузнецова. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 153 с.

*Туйара Гаврильева¹, Михаил Присяжный², Табата Шиничиро³,
Надежда Степанова⁴, Никита Бочкарев⁵, Татьяна Сивцева⁶*

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ И ТЕПЛОВОЙ ЭНЕРГИИ В ЯКУТИИ

TERRITORIAL DIFFERENTIATION IN THE PROVIDING OF ACCESSIBILITY OF ELECTRICAL AND THERMAE ENERGY IN YAKUTIA

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Бельмонтфорума (проект № 15-54-71003)

Статья посвящена актуальной проблеме обеспечения доступности тепло- и электроэнергии для населения и отраслей экономики Якутии в сложных географо-климатических условиях. Исследование выполнено в рамках проекта

¹Туйара Николаевна Гаврильева, доктор экономических наук, профессор Инженерно-технического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, ведущий научный сотрудник отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН. E-mail: tuyara@list.ru

Tuyara Gavriilyeva, Doctor of Economics, Proferssor of the Insitute of Engineering, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Leading Researcher, Yakut Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS

²Михаил Юрьевич Присяжный, доктор географических наук, заведующий общеуниверситетской кафедры североведения СВФУ им. М.К. Аммосова

Mikhail Prisyazhniy – Doctor of Geographical Sciences, Head of Department of Northern Studies, North Eastern Federal University. Email: wirt@mail.ru

³Шиничиро Табата, профессор экономики Университета Хоккайдо (Япония). E-mail: shin@slav.hokudai.ac.jp

Shinichiro Tabata, Professor of Economics, Hokkaido University (Japan).

⁴Надежда Алексеевна Степанова, кандидат экономических наук, ученый секретарь ГАУ «Центр стратегических исследований» Республики Саха (Якутия). E-mail: stepanovana@sakha.gov.ru

Nadezhda Stepanova, Candidate of Economic Sciences, Scientific Secretary, SAE "Center for Strategic Research" of the Republic of Sakha (Yakutia)

⁵Никита Валерьевич Бочкарев, старший специалист-аналитик Отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра СО РАН. E-mail: nikboch@list.ru

Nikita Bochkarev, Senior Specialist-analyst of the Department of Regional Economic and Social Research of the Yakut Scientific Center, SB of RAS

⁶Татьяна Владимировна Сивцева, зав. лаб. «Теплотехнические и гидравлические процессы в автотранспорте» кафедры «Эксплуатация автомобильного транспорта» Автодорожного факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. E-mail: sivtseva-t@mail.ru

Tatyana Sivtseva, Head of Laboratory «Thermal and hydraulic processes in motor vehicles», Department «Operation of motor transport», Faculty of Road Construction, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

COPERA «С budget of ecosystems and cities and villages on permafrost», осуществляемый группой ученых СВФУ по гранту РФФИ № 15-54-71003 совместно с японскими и американскими специалистами в рамках Бельмонт форума, нацелен не только на оценку эмиссии парниковых газов, но и на исследование социально-экономических проблем в сфере жизнеобеспечения населения на Севере.

Ключевые слова: Север, энергетическая система, себестоимость, энергопотребление, тепловая энергия, перекрестное субсидирование, арктические поселения, население, территориальные диспропорции

The article is devoted to an actual problem of accessibility of heat and electricity to the population and industry of Yakutia's economy in difficult geographic and climatic conditions. The study was performed within the project COPERA - «Permafrost carbon budget of ecosystems, cities and settlements eastern Arctic Russia»), carried out by a group of scientists within the RFFR (Russian Foundation for Fundamental Research) grant №15-54-71003 by NEFU researchers jointly with Japanese and American experts in the framework of the Belmont Forum, aimed not only at assessing greenhouse gas emissions, but also to study socio-economic problems in the area of livelihoods in the North.

Key words: North, energy system, net cost, energy consumption, heat energy, cross-subsidization, Arctic settlements, population and territorial disparities

Якутия является одним из самых сложных регионов России в обеспечении доступности тепло- и электроэнергии для населения и отраслей экономики. Республика расположена в северо-восточной части Евразии и территориально самый крупный субъект Российской Федерации. Общая площадь континентальной и островной территории Якутии составляет 3,1 млн. кв. км, выше 40% территории находится за Полярным кругом.

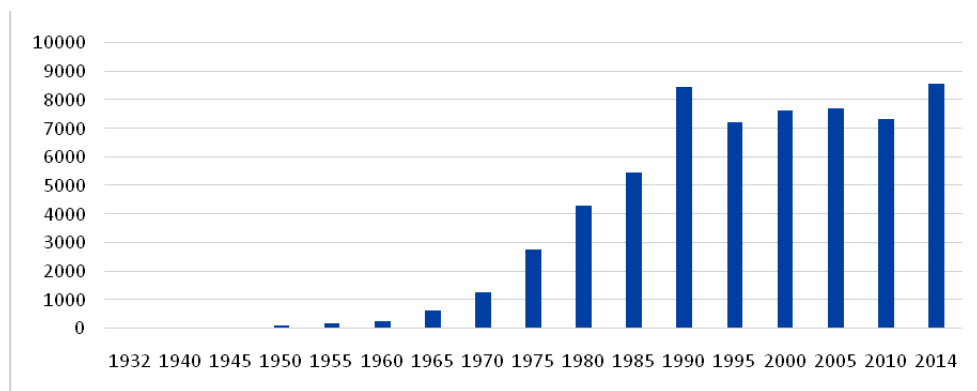
Огромная территория и дисперсность расселения населения, при которых расстояния между населенными пунктами в ряде районов достигают 600-700 км, определяют сложную архитектуру энергосистемы региона, которая в данное время является одной из самых сложных и затратных в стране. В среднем на территории Якутии продолжительность отопительного сезона составляет 8-9 месяцев в году, а в арктической зоне – 12 месяцев. В условиях сохранения изолированности и труднодоступности, при которых 90% территории не имеют круглогодичного транспортного сообщения, основной статьей затрат бюджетной системы, населения и бизнеса в регионе остаются расходы на электро- и теплоэнергию.

Проект COPERA («С budget of ecosystems and cities and villages on permafrost» «Бюджет углерода мерзлотных экосистем, городов и поселений восточной Арктики России»), осуществляемый группой ученых СВФУ по гранту РФФИ № 15-54-71003 со-

вместно с японскими и американскими специалистами в рамках Бельмонт форума, нацелен не только на оценку эмиссии парниковых газов, но и на исследование социально-экономических проблем в сфере жизнеобеспечения населения на Севере.

Производство электроэнергии в Якутии, как показывает рис. 1., стало масштабно развиваться, только начиная с середины 1960-х гг., когда началось активное освоение месторождений полезных ископаемых. При этом, приоритетом развития электроэнергетики всегда являлась поддержка промышленности, а не сектор домохозяйств или сфера социальных услуг.

Рис. 1. Производство электроэнергии в РС (Я), млн. кВтч.

Источник: Данные Саха (Якутия) стага, <http://sakha.gks.ru>.

К концу 80-ых годов выработка электроэнергии достигла максимума, потом отмечается некоторое падение. Одной из причин является ликвидация ряда промышленных производств, которые стали нерентабельными в условиях рыночной экономики. Это падение было преодолено только к 2014 году, как за счет активного роста новых промышленных отраслей, в частности нефтедобычи, так и за счет активного жилищного строительства.

В Якутии выделяются 4 энергорайона. Все они принципиально отличаются друг от друга как по источнику выработки энергии (уголь, природный газ, гидроэнергия, дизельное топливо), так и по другим параметрам – структура потребителей, себестоимость, система ценообразования (табл.1).

Всего насчитывается 120 электростанций совокупной мощностью 187 ГВт. Для производства электроэнергии примерно 85% топливного сырья завозится из-за пределов республики (дизельное топливо). Сезонный характер завоза связан с системой навигации и сложной транспортной схемой доставки. При этом сроки доставки энергоносителей достигают для отдельных районов Якутии 1,5- 2,5 лет. Эти факторы определяют необходимость привлечения кредитных ресурсов для обеспечения сезонного

завоза для предприятий энергетики на сумму порядка 5 млрд. рублей в год. Возникают проблемы с высокими удельными затратами на закупку и доставку дизельного топлива. Существует проблема протяженности линий электропередач, в целом по республике она составляет 5 тыс. км, из них только 3 тыс. км относятся к зоне действия централизованной энергетики. Кроме того, линии электропередач сильно изношены.

Наибольший объем выбросов CO₂ при производстве электроэнергии приходится на территории, в которых сконцентрированы крупнейшие энергетические мощности региона – пос. Серебряный Бор (Нерюнгринский район), Якутск и пос. Светлый (Мирнинский район). Эти поселения являются очагами интенсивного антропогенного воздействия объектов энергетики на природную среду, в то время, как в зоне централизованной энергетики антропогенная нагрузка рассредоточена ввиду малой мощности генерирующих предприятий.

Таблица 1

Структура выработки электроэнергии в РС (Я) в 2014 г.

Энергорайоны	Районы РС (Я)	Населенный пункт	Объем генерации, МВт	Структура, %	Сырье
Центральный	ГО Якутск	ГО Якутск	420,4	17,1%	природный газ, уголь
Западный	Мирнинский район	пос. Светлый	1228,3	50,1%	гидрогенерация и др.
Южный	Нерюнгринский район	пос. Серебряный Бор	618	25,2%	уголь
Северный энергорайон	Северная и Восточная Якутия, Арктика	Различные северные поселения	187,2	7,6%	дизельное топливо, уголь
Всего			2453,9	100,0%	

Источник: доклад Маринычева П.А. «Развитие электроэнергетики Республики Саха (Якутия)», 27.06.2013, <http://www.rushydro.ru/upload/iblock/adc/Pavel-Marinychev-Gov-of-Yakutia.pdf>

Производство электроэнергии в республике частично избыточно, частично дефицитно, часть электроэнергии поставляется и приобретается в других регионах России на оптовом рынке электроэнергии и мощности (ОРЭМ) в рамках Единой энергетической системы РФ. По данным топливно-энергетического баланса РС (Я) в 2007 г., удельный вес «ввозимой» в регион электроэнергии оценивался в 2,4 % от объема собственной генерации, а доля «экспортируемой» составляла 13 % [Энергетическая стратегия, 2010, с. 24].

В 2015 г. завершилась интеграция Западного, Центрального и Южного энергорайонов Якутии. Она приведет к существенному изменению ситуации в сфере ценообразования. Ранее крупные промышленные компании, в частности АК «АЛРОСА», субсидировали потребителей зоны децентрализованной энергетики. Действовал «котловой» принцип ценообразования, который подразумевал установление единых тарифов на электроэнергию на территории Республики, соответственно, тарифы для потребителей в Центральном, Южном и Западном энергорайонах были на 33-35 % выше экономически обоснованного уровня (табл. 2).

Таблица 2

Дифференциация тарифов на электрическую энергию в разрезе энергорайонов Республики Саха (Якутия)

	2010	2011	2012	2013	2014	2014/2010
Экономически обоснованный тариф (центр+юг+запад), руб./кВтч.	2,37	2,89	2,98	3,37	3,6	152%
Экономически обоснованный тариф (зона децентрализованного электроснабжения), руб./кВтч.	17,56	21,5	22,84	28,45	30,54	174%
Средний тариф по РС (Я), руб./кВтч.	3,21	3,75	3,95	4,55	5,10	174%
Соотношение зон децентрализованной и централизованной энергетики, раз	7,41	7,44	7,66	8,44	8,48	114%
Средний тариф к экономически обоснованному тарифу (центр+юг+запад)	135%	130%	133%	135%	135%	
Средний тариф к экономически обоснованному тарифу (зона децентрализованного электроснабжения)	18%	17%	17%	16%	16%	

Источник: Данные ПАО «Якутскэнерго», <https://yakutskenergo.ru>

Из-за ухода от ПАО «Якутскэнерго» на ОРЭМ таких крупных потребителей, как ОАО ХК «Якутуголь» и ПАО «Золото Селигдара», рост тарифов на электроэнергию в 2015 г. составил 15% (из них 9% - это потеря потребителей), против 4,4% в 2014 г. Отказ

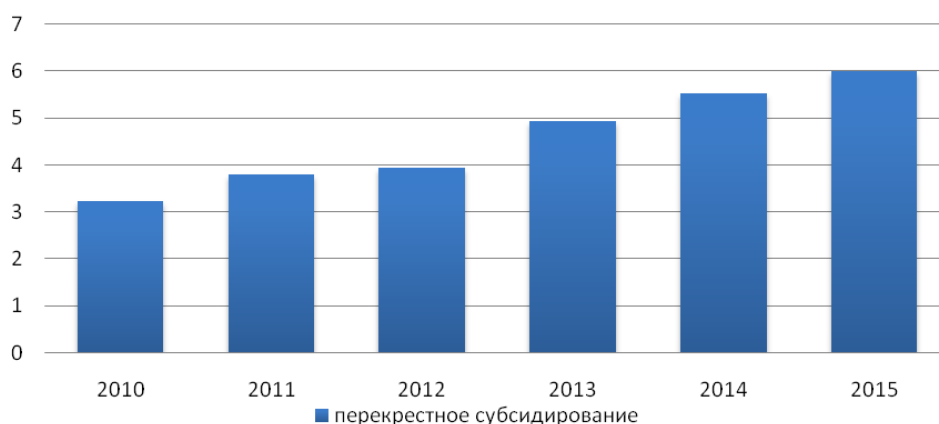
от перекрестного субсидирования приведет к росту затрат экономических субъектов (бюджетной системы, населения и бизнеса) в зоне децентрализованного электроснабжения на 6 млрд. руб. в год (в условиях 2015 г.) (рис. 2).

В настоящее время правительством республики и федеральными органами власти пока не выработаны согласованные решения в части компенсации данных расходов, вместе с тем ликвидация перекрестного субсидирования принципиально поддержана Президентом РФ, 3 ноября 2015 г. им были даны специальные поручения. Ситуация усугубляется текущим финансовым кризисом, накладывающим жесткие ограничения в том числе и на бюджетную систему.

Поселения, выбранные для анализа в проекте COPERA, относятся к Центральному и Северному энергорайонам Якутии (табл. 3). В рамках проекта началось формирование базы данных на основе официальной статистики, данных энергетических компаний, а также паспортов поселений.

Производство электроэнергии в поселениях, находящихся в зоне децентрализованной электроэнергетики, осуществляется маломощными котельными, использующими в качестве топлива уголь и дизельное топливо. Основным поставщиком электроэнергии является ОАО «Сахаэнерго». Как показывают данные рис. 3., себестоимость генерации электроэнергии в удаленных поселениях в Северном энергорайоне выше, чем в Центральном в 7-40 раз. В поселениях Центрального энергорайона дизельное топливо не используется, оно имеется только на случай аварийной ситуации. В таких поселениях Центрального энергорайона, как Жатай, Покровск, Нижний Бестях и др., собственная генерация отсутствует.

Рис. 2. Объемы перекрестного субсидирования децентрализованной электроэнергетики в РС (Я), млрд. руб.

Источник: Данные ПАО «Якутскэнерго», <https://yakutskenergo.ru>

Таблица 3

**Энерго-генерирующие мощности и потребление топлива
в поселениях Республики Саха (Якутия)**

Населенный пункт	Районы РС (Я)	Кол-во произ- водственных модулей (котельных)	Топливо	Мощность (тыс.кВт)	Присоединённая нагрузка, всего (тыс.кВт)
Пгт Белая Гора	Абыйский улус	1	дизельное топливо	4,945	1620,00
Урасалахский наслег	Абыйский улус	1	дизельное топливо	0,260	0,10
Пгт Чокурдах	Аллаиховский улус	1	дизельное топливо	7,765	1900,00
Русско-Устьинский наслег	Аллаиховский улус	1	дизельное топливо	0,4921	0,10
Пгт Тикси (включая Тикси-3)	Булунский улус	1	дизельное топливо	10,065	3,90
Булунский Национальный Эвенкийский наслег (Кюсюр)	Булунский улус	1	дизельное топливо	2,500	600,00
Пгт Нижний Бестях	Мегино-Кангаласский улус	4	дизельное топливо	1,700	1,45
Тарагайский наслег (Табага)	Мегино-Кангаласский улус	3	дизельное топливо	0,120	126,63
Пгт Усть-Майя	Усть-Майский улус	1	дизельное топливо	3,000	2,50
Петропавловский Национальный наслег	Усть-Майский улус	1	дизельное топливо	0,100	90,00
Пгт Депутатский	Усть-Янский улус	2	дизельное топливо	11,564	5557,34
			уголь	7,500	3286,75
Казачинский Национальный наслег	Усть-Янский улус	1	дизельное топливо	3,035	1892,16
Г. Покровск	Хангаласский улус	1	нет	16,3 (подстанция)	450,00
Синский наслег	Хангаласский улус	1	дизельное топливо	1,13	0,50
			природный газ	12000,000	
Г. Якутск	ГО Якутск	2	природный газ	368,000	1113,2
			природный газ	-	-
Пгт Жагай	ГО Жагай	17	природный газ	-	-

Источник: База данных исследования, расчеты

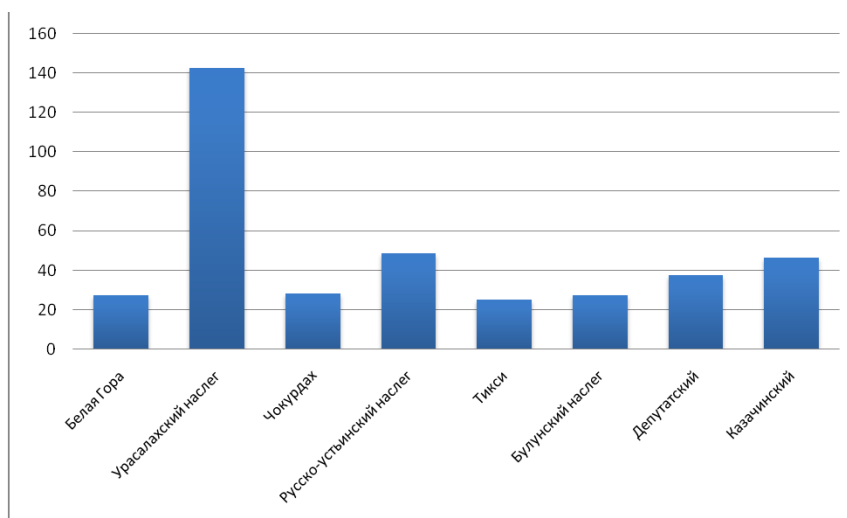

Рис. 3. Себестоимость 1 кВтч., руб. в 2014 г.

Механизм перекрестного субсидирования до 2015 г. не затрагивал отдельные дизельные станции в изолированных энергоузлах, например, в поселках Черский, Угольный, Орто-Нахара, Саскылах, с. Моркока. Потребители данных станций платили по фактическому тарифу на электроэнергию (12,54-25,62 руб/кВтч в 2014 г.). На населении столь высокий уровень тарифов не отражался, так как использовались льготные тарифы. Кроме того имеется механизм жилищных субсидий, согласно которому компенсируются расходы, превышающие свыше 15 % доходов домохозяйств. Только субъекты малого и среднего бизнеса сталкивались с данной проблемой. Для устранения «тарифного неравенства» был принят Закон РС (Я) «О льготных тарифах на сжиженный газ, электрическую и тепловую энергию (мощность), водоснабжение и водоотведение». Он позволил утвердить льготный тариф для юридических лиц, которые ранее оплачивали по тарифу, превышающим размер тарифа основного гарантирующего поставщика на территории Якутии (ПАО АК «Якутскэнерго») [<http://regnum.ru/news/1873525.html>].

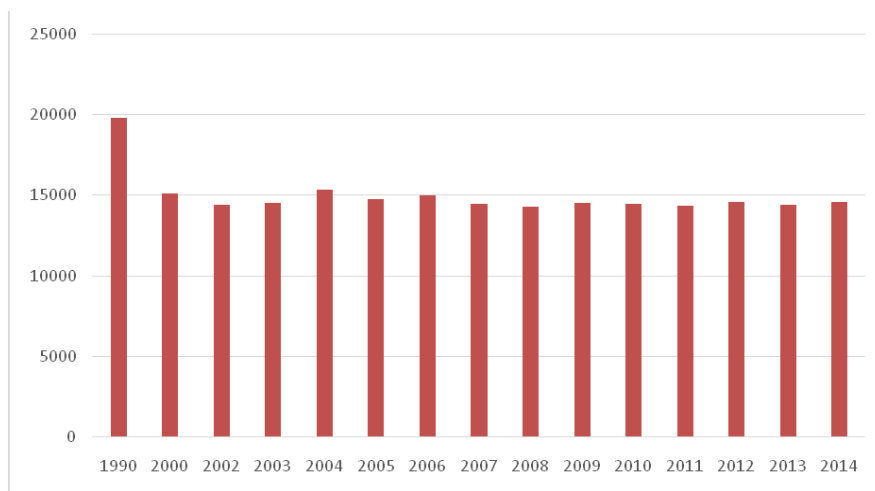
Значительная территориальная дифференциация в себестоимости складывается и в сфере теплогенерации. В населенных пунктах и городах Республики эксплуатируются 1355 котельных, из них 1031 относятся к ГУП «ЖКХ Республики Саха (Якутия)», 109 котельных обслуживает ОАО «Теплоэнергосервис» (ПАО АК «Якутскэнерго»), остальные являются ведомственными, муниципальными или принадлежат субъектам малого и среднего бизнеса. Практически во всех районах и городах отмечается высокий уровень износа тепловых сетей, что не позволяет обеспечить нормальное функционирование систем теплоснабжения. Согласно Государственной программе РС (Я) «Обеспечение качественными жилищно-коммунальными услугами и развитие электроэнергетики на 2012-2016», утвержденной Указом Президента РС (Я) от 12 октября 2011 года № 970, средний уровень износа систем теплоснабжения достиг 56,9% в 2011 году.

На рис. 4. представлена динамика производства тепловой энергии в РС (Я) за 1990-2014 гг. Как показывают данные, объем производства достаточно стабилен, как и в электроэнергетике отмечался спад в 1990 - 2000 гг. Стабильные объемы производства тепловой энергии сопровождались в последние годы строительным бумом (рис. 5.). Общая площадь жилищ в Якутии выросла с 2006 по 2014 гг. на 9 %, а площадь жилищ с центральным или автономным отоплением – на 17 %, при этом выработка тепловой энергии сократилась на 2,6 %. Это свидетельствует о том, что республика получает стабильный эффект от программ оптимизации локальной энергетики и энергосберегающих мероприятий.

Так, по данным государственной статистики (табл. 4), с 2000 г. число источников теплоснабжения сократилось на 37 %, соответственно, в общем числе источников на 16 % снизилась доля источников теплоснабжения с мощностью до 3 Гкал/час. С 27 % до 21 % снизилась доля тепловых и паровых сетей, нуждающихся в замене. В то же время, по мере роста присоединенной нагрузки увеличилась доля потерь тепловой энергии в сетях, с 13,3 % в 2000 г. до 25,3 % в 2014 г. Значительный эффект был достигнут в сфере газификации населенных пунктов, что позволило существенно изменить структуру источников тепла по видам топлива рис. (6). Удельный вес котельных, работающих на газе, в 2000-2014 гг. вырос почти в 2 раза, с 16 % до 31 %. Тем не менее доля котельных, работающих на твердом топливе (уголь), все еще высока, в 2000 г. – 65 %, в 2014 г. – 54 %.

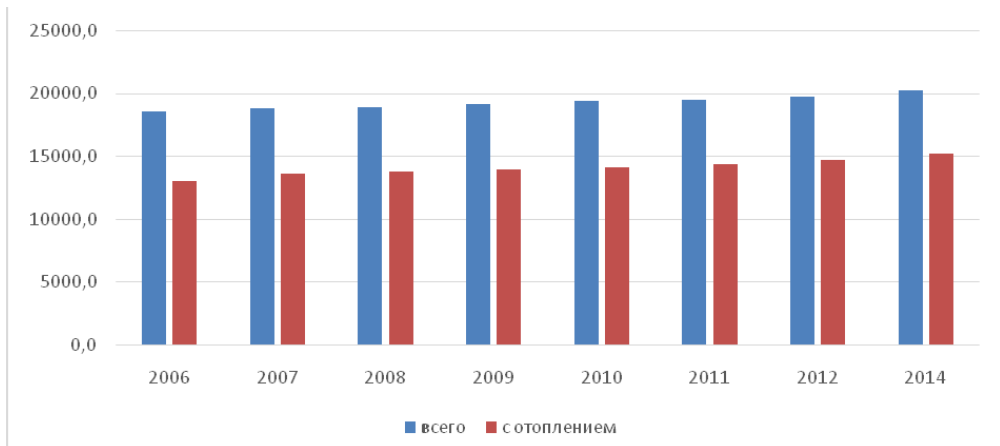
Поселения Якутии в силу специфики аграрной специализации не компактны, содержание крупного рогатого скота требует большой площади придомовой территории. В результате, в поселениях по мере строительства новых социальных объектов

Рис. 4. Производство теплоэнергии в РС (Я), тыс. Гкалл

Источник: Данные Саха(Якутия)стата, <http://sakha.gks.ru>.

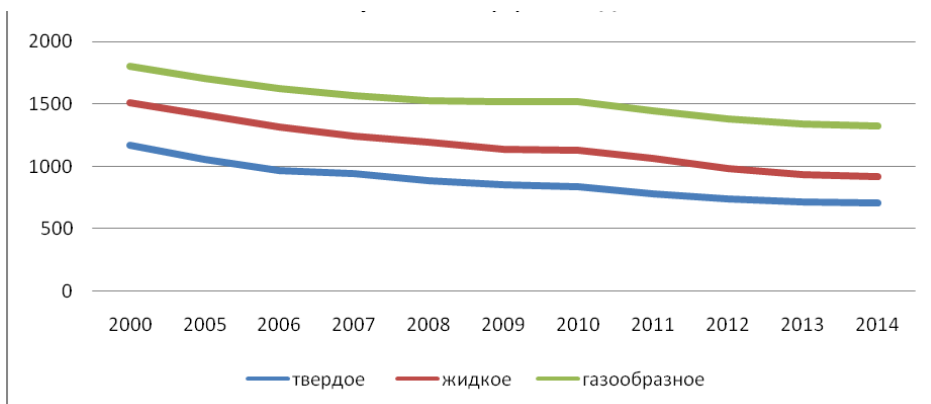
Рис. 5. Общая площадь жилого фонда в РС (Я), тыс.кв.м.

Источник: Данные Саха(Якутия)стата, <http://sakha.gks.ru>.

увеличивается число источников тепловой энергии с малой мощностью, а охват жилых домов центральным отоплением сильно дифференцирован. Так площадь жилищного фонда с центральным отоплением в поселениях, выбранных для анализа - Урсалахском, Тарагайском и Синском наслегах, относительно невысока, здесь высокая доля жилищ имеет печное отопление (табл. 5, рис. 7). В поселениях, расположенных в Центральном энергорайоне, благодаря доступности сетевого газа, значительная часть жилого фонда имеет индивидуальное отопление, также имеет место эффект экономии от масштаба.

Рис. 6. Структура источников теплоснабжения населенных пунктов РС (Я) по видам топлива

Источник: Данные Саха(Якутия)стата, <http://sakha.gks.ru>.

Таблица 4

Теплоснабжение населенных пунктов Республики Саха (Якутия)

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Число источников теплоснабжения на конец года	1865	1752	1670	1612	1562	1567	1552	1490	1422	1375	1355
Удельный вес источников теплоснабжения мощностью до 3 Гкал/час в их общем числе, %	77,9	74,5	72,6	73,4	69,9	69,2	68,7	67,7	66,9	65,8	65,6
Суммарная мощность источников теплоснабжения, Гкал/час	7589,2	8042,5	8112,9	7815,4	8476,6	8364,2	8430,6	8387	8665,1	8698,2	8853,3
Протяженность тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении, км	3657,6	4081,3	4011,2	4109,1	4136,2	3937,6	3770,2	3502,6	3615,3	3547,3	3770,6
из нее нуждающихся в замене	992,9	808,4	933,6	1435,5	1165,3	1262,7	1233,7	933,9	809,6	731,5	796,9
Удельный вес потерь тепловой энергии в общем объеме поданного в сеть тепла, %	13,3	17,8	17,9	16	19,1	21,3	21,6	20,6	23,3	24,1	25,3

Источник: Данные Саха(Якутия)стага, <http://sakhagks.ru>.

Таблица 5

Теплоснабжение населенных пунктов Республики Саха (Якутия)

Населенный пункт	Районы РС (Я)	Энергорайоны	Организация-поставщик	Число источников теплоснабжения
Пгт Белая Гора	Абыйский улус	Северный	МЖКХиЭ, ОАО «Саханафтегазсбыт», Минздрав РС (Я)	11
Урасалахский наслег	Абыйский улус	Северный	ГУП «ЖКХ РС(Я)»	1
Пгт Чокурдах	Allaikhovsky District	Северный	ГУП «ЖКХ РС(Я)»	8
Русско-Устьинский наслег	Allaikhovsky District	Северный	ГУП «ЖКХ РС(Я)»	1
Пгт Тикси (включая Тикси-3)	Булунский улус	Северный	ГУП «ЖКХ РС(Я)»	3
Булунский Национальный Эвенкийский наслег (Кюстор)	Булунский улус	Северный	ГУП «ЖКХ РС(Я)»	5
Пгт Нижний Бестях	Мегино-Кангаласский улус	Центральный	ГУП ЖКХ РС(Я), ООО «Коммун-теплосервис», ИП Дьяконов Х.А.	10
Таратайский наслег (Табага)	Мегино-Кангаласский улус	Центральный	ГУП ЖКХ РС(Я)	3
Пгт Усть-Майя	Усть-Майский улус	Центральный	ОАО «Теплоэнергосервис»	6
Петропавловский Национальный наслег	Усть-Майский улус	Центральный	ФКП «Аэропорты Севера» (ДЭС Аэропорта «Усть-Мая»)	1
Пгт Депутатский	Усть-Янский улус	Северный	ОАО «Сахазэнерго»	3
			ОАО «Сахазэнерго»	
Казаачинский Национальный наслег	Усть-Янский улус	Северный	ФПК Аэропорты Севера	1
			ОАО «ТЭС»	
Г. Покровск	Хангаласский улус	Центральный	ГУП ЖКХ РС(Я), МО «Город Покровск»	17
Синский наслег	Хангаласский улус	Центральный	ГУП «ЖКХ РС (Я)», ПО «Южное»	5
Г. Якутск	ГО Якутск	Центральный		235
Пгт Жатай	ГО Жатай	Центральный	МУП Жатайтеплосеть, ООО «ЖССЗ»	3

Источник: База данных исследования.

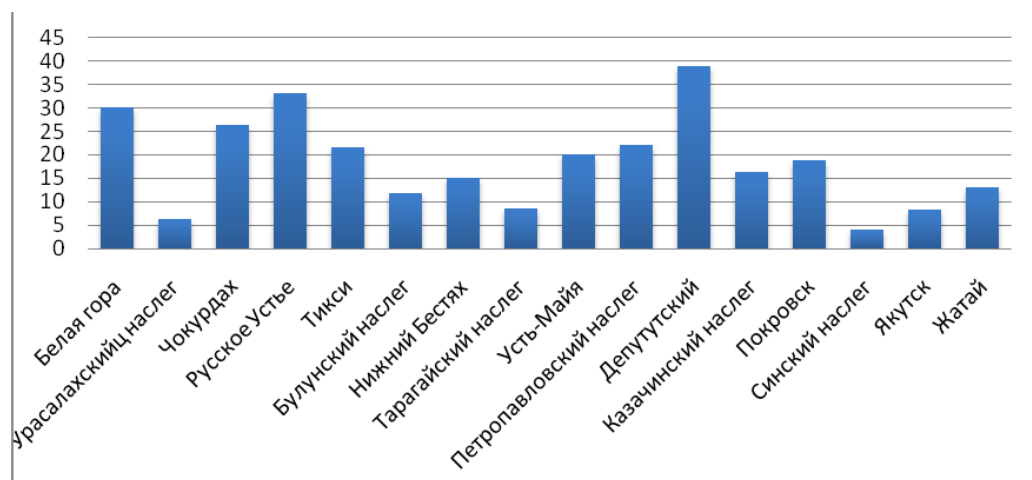

Рис. 7. Площадь фонда с центральным отоплением (жилье и объекты социальной инфраструктуры) на душу, кв. м. в 2012 г.

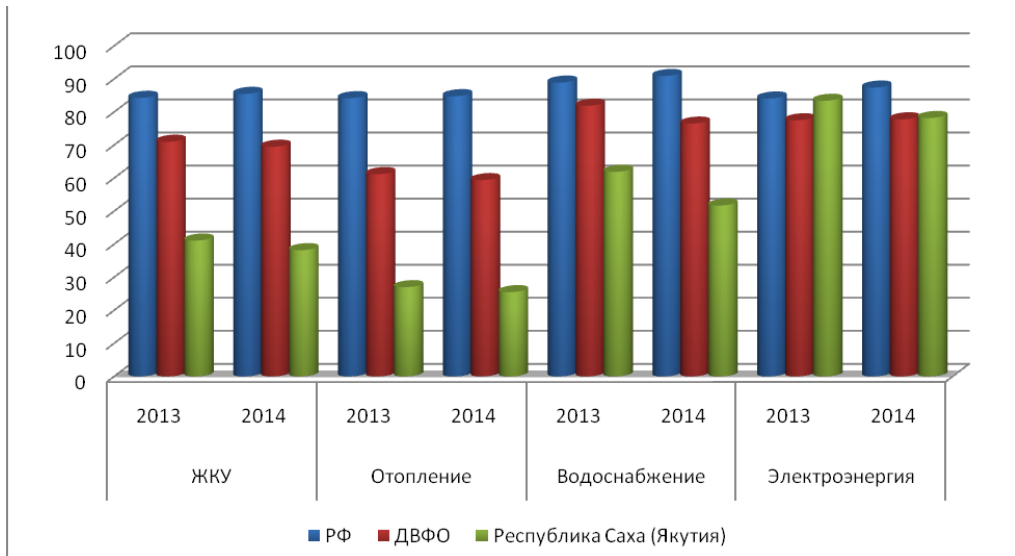
Многие здания социального назначения были построены в советское время, с тех пор многие сельские населенные пункты за счет внутренней миграции потеряли часть населения, поэтому площадь объектов социальной сферы в некоторых поселениях избыточна (рис. 7.). Все это, учитывая различные механизмы компенсации высокой стоимости коммунальных услуг для населения, обуславливает рост расходов бюджетной системы РС (Я).

Одним из данных механизмов являлось перекрестное субсидирование, которое в отличие от системы субсидирования в электроэнергетике, осуществлялось на уровне муниципальных районов. Установление единого тарифа на тепло для района приводило к получению выгод потребителями в малочисленных, отделенных поселениях, в проигрыше оставались субъекты в районных центрах. Эта система не создала стимулов к теплосбережению, внедрению новых технологий и переходу на энергосервисные контракты.

«С июля 2016 г. тарифы будут утверждаться по каждому поселению. Учитывая энергоёмкость и себестоимость выработки теплоэнергии, переход позволит существенно снизить расходы на отопление более, чем у 60% потребителей. Снижение тарифов на отопление коснется и всех категорий бизнеса. Остальная часть потребителей (менее 40%) находятся по большей части в отдаленных наслегегах, где у котельных низкий уровень КПД из-за высоких расходов на выработку при низком объеме реализации. Для республиканских бюджетных учреждений в наслегегах, где произойдет рост тарифов на отопление за счет изменения тарифной схемы, будут предусмотрены средства на компенсацию за счет межбюджетных трансфертов. А для социально-ориентированных и жизнеобеспечивающих субъектов бизнеса будут утверждены тарифы на уровне дей-

ствующих с учетом индексации» [<http://nvk-online.ru/news/>]. По некоторым оценкам, резкий рост тарифов на теплоэнергию может затронуть 196 предприятий в отдаленных поселениях, включая магазины, хлебопекарни и т.д.

Рис. 8. Фактический уровень возмещения затрат населением, %

Источник: Данные Министерства экономического развития РФ, <http://economy.gov.ru/mines/main/>.

Таким образом, в арктической зоне часть расходов всех экономических субъектов, включая бизнес, будет и далее возлагаться на бюджетную систему республики. Как показывают данные рис. 8., в настоящее время в РС (Я) население возмещает за счет собственных средств только 25,5 % затрат на центральное отопление, 51,7 % - на водоснабжение, 78,2 % - на электроэнергию, в целом – 38,2 % затрат на жилищно-коммунальные услуги, что существенно ниже, чем по РФ и Дальневосточному федеральному округу.

На данном этапе развития технологий жизнеобеспечения сложная архитектура энергосистемы республики вкупе со сложившимися территориальными дифференциациями и комплексом социальных проблем не позволяет полностью отказаться от этой практики. Полностью проблема субсидирования децентрализованной энергетики сейчас может быть решена только путем ликвидации арктических поселений, что объективно невозможно как в силу интересов национальной безопасности, так и в силу необходимости сохранения исторических и культурных традиций коренных народов Севера. Быстрый переход на тарифы, исходя из реальных затрат, приведет только к еще большей потере населения, проживающего в Арктике, ликвидации от-

даленных поселений. В той или иной степени механизмы субсидирования расходов на энергию существуют во всех северных странах мира, содержание Арктики в них также дорого, как и в России. Необходим поиск новых технологических, расселенческих, финансовых и социальных механизмов в организации жизни людей в Арктике.

Литература

1. Государственная программа РС (Я) «Обеспечение качественными жилищно-коммунальными услугами и развитие электроэнергетики на 2012-2016» (Указо Президента РС (Я) от 12 октября 2011 года № 970).
2. Маринычев, П.А. «Развитие электроэнергетики Республики Саха (Якутия)», 27.06.2013, <http://www.rushydro.ru/upload/iblock/adc/Pavel-Marinychev-Gov-of-Yakutia.pdf>
3. Официальный сайт ПАО «Якутскэнерго», режим доступа: <https://yakutskenergo.ru> (дата обращения: 16.09. 2016 г.)
4. Официальный сайт Министерства экономического развития РФ, режим доступа: <http://economy.gov.ru/mines/> (дата обращения: 14.09. 2016 г.)
5. Официальный сайт Саха (Якутия)стат, <http://sakha.gks.ru> (дата обращения: 15.09. 2016 г.)
6. Энергетическая стратегия Республики Саха (Якутия) на период до 2030 года / Правительство Респ. Саха (Якутия). – Якутск; Иркутск: Медиахолдинг «Якутия», 2010. – 328 с.
7. Предприятия на севере Якутии получают электроэнергию по льготным тарифам // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/1873525.htm> (дата обращения: 16.09. 2016)

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

*Николаев Николай**

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И ИСЛАНДИИ В АРКТИКЕ

CHINA AND ICELAND COOPERATION IN THE ARCTIC

Значимость Арктики как энергетического «нового Ближнего Востока» растет с каждым годом. В связи с этим растет интерес неарктических стран к еще не освоенным и освоенным запасам минерального сырья. Не исключение и в этом Китай. Поскольку она нуждается в альтернативных энергоресурсах из политически стабильных регионов, как Арктика и в будущем диверсифицировать импорт нефти и природного газа. Исландия арктическая страна, располагающая представительными запасами энергоресурсов. Для Исландии китайско-исландское взаимодействие это прежде всего выход её экспортной продукции и энергоресурсов на рынок стран Восточной Азии.

Ключевые слова: Исландия, Китай, партнерство, энергоресурсы, континентальные шельфы, Арктика, ЕС, Арктический Совет, Арктический круг, экономика и энергетика

The significance of the Arctic as an energy “a new Middle East” grows every year. In connection with this growing interest and non-arctic countries to have not yet mastered and developed reserves of mineral raw materials. No exception in this China. Because it needs alternative energy resources from politically stable regions such as the Arctic and in the future to diversify its imports of oil and natural gas. China needs alternative energy from politically stable regions such as the Arctic. Iceland’s own output exports to East Asia market. Iceland is arctic country with a representative energy reserves. For Iceland icelandic-chinese interaction is primarily the output of its exports of fishery products and energy market of East Asia.

Keywords: Iceland, China, partnership, energy resources, Arctic, continental shelves, EU, Arctic Council, Arctic circle, economic and energy.

Интерес неарктических стран к рассматриваемому региону формируется вокруг ухудшения ситуации в конъюнктуре мирового сырьевого рынка. Арктика, это, прежде всего значительные запасы минеральных и биологических ресурсов, представляющих особый интерес для мира.

*Николай Анатольевич Николаев, магистрант направления «Арктическое регионоведение» Института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М.К. Аммосова. E-mail: nikolaibs1993@mail.ru.

Nikolay Nikolaev — MA Student in Arctic Studies, Institute of Foreign Philology And Regional Studies, M.K.Ammosov North-Eastern Federal University.

Устоявшееся веками международное положение в Арктике меняет процесс глобального потепления. Это приводит к таянию ледников и ведет к образованию плавающих ледников в Северном Ледовитом океане. Освободившиеся ото льда пространства Арктики, открывают ранее неизвестные запасы минеральных ресурсов. Их освоение приводит к стремлению поделить шельфовые пространства, а значит и ресурсы Арктики.

По морскому праву зоны внегосударственных вод арктических государств являются международными. Но Россия, Канада, Норвегия и Дания стремятся добиться признания их прав на шельфы вне 200-мильной морской зоны. Поэтому возникает вопрос их распределения между арктическими и неарктическими игроками. Некоторые арктические страны уже подали заявку на разрешение получить территории за секторальными зонами в комитет по границам континентальных шельфов Организации Объединенных Наций. В 2001 г. заявление на признание российскими хребтов Ломоносова и Менделеева подала и Россия. На эти континентальные шельфы также претендует Канада.

Существуют риски возникновения различной степени противоречий на почве с активизировавшимся освоением и обнаружением на ранее неизвестных территориях запасов сырья. Проблема осложняется также тем, что в регионе отсутствует четко очерченные и оговоренные со всеми странами границы и контуры международно-правовой базы (как примеру из Договора об Антарктиде 1959 г.). Это дает арктическим странам возможность односторонне выдвигать пересмотр своих секторальных границ. Отсутствуют и правовые основы урегулирования возможных противоречий. Некоторые специалисты-регионоведы указывают на неизбежность военного конфликта в арктическом регионе. На арктических территориях все более активизируются военные учения с привлечением военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил. В 2015 г. в арктических военных учениях приняли участие союзные России по Договору коллективной безопасности Таджикистан и Белоруссия. При всей исторической традиции, решать возникающие вопросы мирным путем, арктические страны не исключают и военное решение существующих вопросов в Арктике.

Решение территориальных (шельфовых) вопросов Арктики может в дальнейшем вызвать и другую проблему. Это вопросы географии будущего распределения (экспорта) добываемых в регионе ресурсов из арктических стран (имеющих прямой доступ и обладающие суверенными правами на разработку этих запасов сырья в своих территориях) в другие регионы, страны и районы земного шара.

В регионе действуют достаточно представительный международный форум диалога – Арктический Совет. Данная структура на региональном уровне регулирует проблемы Арктики и способствует их решению. Существенным недостатком можно считать слабый функциональный инструментарий регулирования отношения арктических стран, так и неарктических стран.

Международно-правовой статус Арктики можно сказать находится в переходном периоде. Под переходным периодом мы понимаем изменение традиционных подходов к более односторонним с элементами коллективного согласия. Главным источником изменения подходов к Арктике является влияние глобального потепления на ускорение таяния ледников и как следствие высвобождения новых морских пространств Северного Ледовитого океана и энергетических ресурсов. Помимо арктических стран на процесс изменения конфигурации Арктики принимают участие и неарктические страны. Поэтому арктический регион достаточно чувствителен на влияние внешних факторов, исходящих из других регионов мира и несовпадающих внешнеполитических интересов, прежде у США, Канады и России. Неарктические страны уже стали формировать свою арктическую политику. Они пытаются вклиниться в региональные площадки для расширенного диалога с арктическими странами чтобы закрепить свои позиции в Арктике.

Неарктические государства стали выступать за открытость региона. С точки зрения энергетической геополитически это достаточно удобный момент для промышленных и финансово-экономических «гигантов» Азиатско-Тихоокеанского региона как Китай стать частью Арктического диалога. Политическое присутствие Китая имеет весьма глубокую историю. С 1920 г. страна является участником Шпицбергенского трактата, и имеет одинаковые права на ограниченную сферу деятельности на территории архипелага.

Общеизвестная зависимость Китая от импортируемых энергоносителей, объясняет их заинтересованность в арктических запасах сырья. Сохранение высоких темпов экономического роста и интенсивного промышленного производства требует постоянного поиска стабильного импорта энергоносителей. Страны Ближнего Востока являются основными поставщиками энергоносителей в Китай, но сам регион, как известно, является достаточно нестабильным в политико-военном контексте. Это сильно влияет на уровень стабильности поставок энергоносителей из стран Ближнего Востока в Китай. По мнению китайских экспертов, с точки зрения энергетики Арктика в будущем станет «Новым Ближним Востоком». Китай также может предпочесть импортировать энергоресурсы из Арктики, а также осуществить диверсификацию импорта энергоресурсов (12).

Вопрос обеспечения энергетической безопасности для Китая задача, вытекающая из вполне объективных причин и потребностей внутри страны. Поскольку уже к 2003 г. Китай занял второе после США место по объему импорта энергоресурсов. Интенсивное развитие экономики страны и её стимулирования после кризиса 2008 г. и других явлений, потребовало поиска новых выгодных путей обеспечения энергетической безопасности Китая. Более качественную сторону энергетической ситуации Китая показывает статистика. Так, согласно ежегодному подсчету Международного энергетического агентства по состоянию к маю 2015 г., несмотря на то, что Китай в 2010 г.

замедлил показатели спроса на нефтепродукты, совокупный мировой показатель выводит китайский импорт нефтепродуктов на первый пункт (3) (табл. 1).

Таблица 1

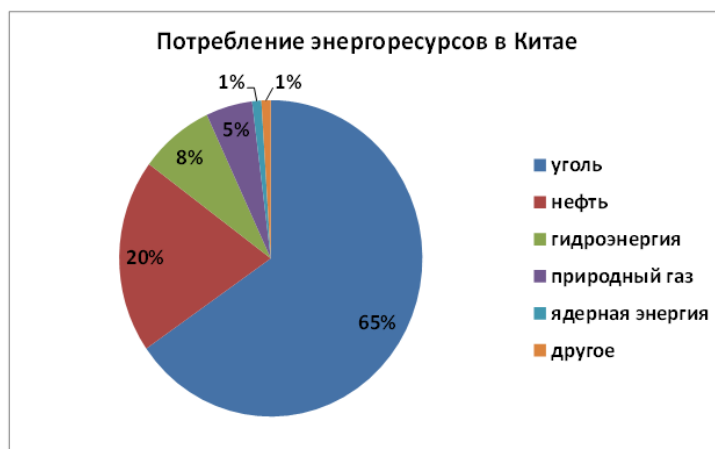
Представлена совокупная доля импорта нефти крупными мировыми потребителями

Согласно ежегодному докладу Международного энергетического агентства, в Китае основным потребляемым энергоресурсом остается уголь (66%). Вторым по величине энергоресурсом является импортируемые нефтепродукты (20%) (табл. 2).

Таблица 2

Процентный показатель потребляемых энергоресурсов в Китае на состояние 2014 г. (3)

Масштабная эксплуатация углей в качестве энергоресурсов достаточно дорогостоящая, неэкономная с точки зрения ограниченности имеющихся запасов в самом Китае и экологически небезопасная.

По мере развития экологической компетенции стран в международных отношениях, критическая ситуация в экологии окружающей среды как фактор заставляет Китай все более и более вести себя ответственно перед своим населением и соседями. Прежде всего, из-за последствий экстенсивной угледобычи принимающих масштабные формы загрязнения окружающей среды региона, в частности воздушного пространства, ухудшения состояния здоровья, воздуха и т.д.

По информации Facts Global Energy, правительство КНР намерено провести переориентацию от масштабной эксплуатации угольных месторождений (из-за сильных выбросов вредных веществ) (5) к более экологически безопасным и энергосберегающим формам эксплуатации энергоносителей. Предпочтение отдается природному газу. По утверждению китайского правительства, к 2020 г. страна собирается сократить показатель потребления угля с 10% до 8%. Предпочтение делается в пользу экологически безопасного природного газа (2).

Достигнутые стратегические соглашения между Россией и Китаем по масштабным поставкам природного газа через восточносибирский трубопровод «Сила Сибири» (которая должна быть введена в рабочий режим к 2020 г.), создает впечатление вполне достижимых расчетов китайского руководства. Но и этого недостаточно для того чтобы держать на стабильном уровне китайскую экономику, набирающего новые масштабы роста.

Политика в сфере энергоресурсов и экономика страны, очень взаимозависимые составляющие в государственной жизни Китая. Поэтому недостаток минеральных энергоресурсов и зависимость от них достаточно сильно влияет не только на экономическую стабильность (безопасность), но и на внутреннюю ситуацию, а значит безопасность Китая. Данная ситуация вынуждает руководителей КНР вести более активную политику в вопросах, связанных с энергоресурсами. Не исключение и арктические ресурсы.

Арктический регион и в частности Исландия привлекательны для Китая и по другим немаловажным моментам. Прежде всего, тем, что арктический регион, представлен по большей части, европейскими странами, у которых более стабильная политическая конъюнктура, чем у стран-импортеров из Ближнего Востока. Во-вторых, это тем, что арктические страны, такие как Норвегия и Исландия (не вступившие в ЕС) с небольшой экономикой, ориентированы на установление более выгодных внешне-экономических связей с остальным миром и прежде всего с ведущими экономиками. В-третьих, в особенности Норвегия и Исландия заинтересованы в крупных иностранных инвестициях в свои экономические отрасли, разведку и разработку неизученных углеводородных месторождений, а также в сотрудничестве в логистических проектах через Северный Ледовитый океан и дальнейшего расширения морских коммуникаций с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Обе страны со скандинавской моделью экономики, сравнительно небольшим населением, члены Североатлантического договора и сильно зависят от рыбной промышленности.

По прогнозам экспертов U.S. Geological Survey, в совокупности в 33 районах Арктики залегает около 1,669 трлн кубических футов газа, что составляет примерно 30% мирового запаса природного газа. В соотношении углеводородных ресурсов Арктики преобладают запасы газа (78 %) (9). Исландия хотя и располагает малым процентом из арктического запаса природного газа, но её континентальные шельфы со значительными минеральными запасами привлекает интерес неарктических стран. Правительство Исландии объявило, что принимает заявки совместную разведку и разработку двух шельфовых месторождений газа и нефти – Дреке (юг микроконтинента Ян-Майен) и Гаммуре (север о. Исландия). Ранее возникавшее территориальное противоречие между Исландией и Норвегией по поводу принадлежности континентальных шельфов Ян-Майена был разрешен решением Международного арбитражного суда ООН (28 мая 1980 г.). Согласно этому решению были четко определены 200-мильные экономические зоны и государственные границы обеих стран. Стоит, отметить, что недавно также были достигнуты дополнительные к ней соглашения между обеими странами, которые регулируют нормативно-правовую базу разработки вышеуказанных месторождений нефти и газа (в особенности на южных исландских территориях микроконтинента Ян-Майен) (6).

Формально для Исландии приоритетами выступают защита окружающей среды и северных морей, поддержка приполярных научных исследований и международного сотрудничества. Исландия подтверждает готовность принять участие в составлении карт морских зон Арктики, где ожидается усиление борьбы за природные ресурсы, для планирования согласованных действий в чрезвычайных ситуациях (1).

Дипломатические отношения между Китаем и Исландией были установлены в порядке политической солидарности началу широкого взаимодействия Запада и США с Китаем в 1971 г. КНР располагает в Исландии самым большим посольством, что по мнению российских экспертов подразумевает повышенный интерес Китая к этой стране и её ресурсам(1).

С 2007 г. китайско-исландские отношения постепенно начинают развиваться. А летом 2009 г. Исландия подает заявление на вступление в Европейский Союз. Однако начавшиеся переговоры (2010) вывели сильные противоречия позиций Еврокомиссии и исландского правительства. Руководство ЕС выдвинуло жесткие социально-экономические и политические требования к стране-кандидату. Достаточно проблематичным стали требования к рыболовным стандартам ЕС, которые практически должны были ограничить возможности этой основной отрасли в экономике Исландии. Это и стало причиной отзыва 13 марта 2014 г. заявления на вступление страны в Евросоюз. На фоне дистанцирования Исландии от Евросоюза, интенсивными темпами развиваются китайско-исландские взаимоотношения на высшем уровне.

Тем не менее стоит отметить, что вопрос об отказе вступления в ЕС окончательно решен. Как говорится, из сообщения Министерства иностранных дел вопрос об евроинтеграции находится на следующих переговорных позициях (10):

- А. Статус переговоров о вступлении между Исландией и ЕС;
- В. Правовые и институциональные изменения в ЕС;
- С. Ситуация и перспективы для экономики страны в случае вхождения в ЕС.

Возможно Исландия использует китайскую «карту» для давления на ЕС по вопросу уступок к Рейкьявику. Однако на практике дело обстоит совсем иначе. По крайней мере Рейкьявику стало ясно, что их страна упустила возможность стать одним из двигателей проектируемого арктического измерения Европейского Союза. Фактически такую роль в ЕС уже заняла Дания. Попытки руководства министерства иностранных дел Дании закрепить формат пятистороннего регионального диалога в Арктике без Исландии, вызвали ответные меры исландского правительства.

Это еще больше подтолкнёт Исландию на диалог с неарктическими странами. Так, президента страны Оулавюр Гримссон, станет более активно очерчивать арктический внешнеполитический курс Исландии. Её можно определить следующими направлениями: Во-первых, Рейкьявик стал позиционировать себя путем образования альтернативных региональных площадок международного взаимодействия и диалога в Арктике в противовес той же датской инициативе и даже самому Арктическому Совету. Во-вторых, Исландия, ориентируется на широкое открытое взаимодействие с неарктическими странами, в особенности, с экономически быстроразвивающимся Китаем реализуя свои долгосрочные национальные интересы. В правительстве страны делают ставку на то, что Китай и другие, неарктические страны официально позиционируют свою политику в регионе на учете интересов арктических партнеров. В-третьих, правительство Исландии осознает, что для экономики страны необходимы крупные инвестиционные и финансовые вливания на весьма неоднородную исландскую экономику в освоении шельфовых минеральных месторождений. В-четвертых, Рейкьявик стремится к расширению полярных морских коммуникаций со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Сотрудничество в этой области имеет долгосрочную основу предполагающую развитие морской инфраструктуры Северного морского пути. Это предполагает комплексное взаимодействие в области науки, полярной навигации, разработке специальных технологий (функционирующих резких климатических условиях) и др. Активная инициатива со стороны Исландии в этом вопросе позволит ей занять свою нишу в таком стратегическом важном логистическом проекте, прежде всего повысит значимость Северо-Восточного прохода. В худшем случае порты Исландии могли бы стать центрами перевалочных пунктов из развивающегося АТР в Северо-Атлантический регион (11).

Большую заинтересованность к этим региональным политическим инициативам Исландии проявляет Китай. Она чувствительно относится к интересам Исландии и условиям её сотрудничества. Действенными и наиболее эффективными инструментами влияния Китая на регион выступают торговые, финансовые средства и инвестиции.

20 апреля 2012 г. по результатам двухсторонних переговоров между премьер-министром Йоханном Сигурдардоттир и председателем Госсовета КНР Вэнь Цзябао были достигнуты соглашения и договоренности по направлениям двухстороннего со-

трудничества в Арктике(12). Наибольший интерес представляют Меморандум о взаимопонимании и сотрудничеству в области морских и полярных исследований и технологий; Меморандум о взаимопонимании по геотермальной и геонаучной кооперации.

Развитие отношений Исландии и Китая началось с активизацией двухсторонних научных связей. Такой подход в развитии двусторонних отношений позволил представить их партнерство прежде всего, как научный, а не политический (геополитический) характер. Это позволило двум странам проецировать партнерство на более глобальный контекст проблем в Арктике.

После достигнутых в апреле 2012 г. соглашений Исландия официально присоединяется к китайской научной полярной экспедиции на ледоколе Сэюлун (雪龙). Совместные научные исследования возможность диалога по Арктике. Исландия не располагает своими ледокольными кораблями и финансовыми возможностями для таких географически масштабных научных изысканий. Эта 5-я по счету китайская арктическая экспедиция (2012) двинулась через Северный морской путь на Исландию. После прибытия экспедиции в Рейкьявик была проведена встреча официальных лиц государства с китайскими полярниками. Она была символична в том плане, что показывала возможность реализации широких морских коммуникаций через Северный Ледовитый океан. В политическом ключе это событие ознаменовало собой новый этап в китайско-исландских отношениях.

Совместное научное сотрудничество обеих стран получило новый формат. 15 декабря 2013 г. создается Китайско-североевропейский арктический исследовательский центр в Шанхае. Участие Исландии регулировалось достигнутыми меморандумами научного сотрудничества.

Сближение интересов Исландии и Китая через совместные научные исследования позволили ускорить темпы политического сближения. В том же 15 апреля 2013 г. впервые в истории Европы подписывается **Соглашение о свободной торговле**. Функционирование данного соглашения обеспечивает совместная Исландско-Арктическая торгово-промышленная палата.

В октябре 2013 г. президент Оулавюр Гримссон откроет в Вашингтоне международно-политический Форум «ArcticCircle» («Арктический круг») (11). Контекст формата «Арктического круга» заключается в обоюдном и равноправном взаимодействии в Арктике всеми заинтересованными странами мира. Поэтому это событие имело большое влияние на международную политику Арктики. Поскольку создавались условия для широкого равноправного взаимодействия и сотрудничества в Арктике с неарктическими странами как Китай, Сингапур, Индия, Япония и Южная Корея. Напомним, что это происходило накануне перед принятием Китая в наблюдатели Арктического Совета.

15 апреля 2015 г. на международном нефтегазовом саммите «Арктический и континентальный шельф» проходившем в Дубае, арктические страны сошлись во мнении,

что необходимо пригласить и Исландию. Это указывает на возросшее положение страны в мировом энергетическом рынке. Во время саммита Исландия представила перед крупными инвесторами свои проекты реализации разработок арктических шельфов. Наибольший акцент был сделан на разработке нефтяных и газовых запасов на гребне Ян-Майен (Jan Mayen) (8).

В китайско-исландских совместных заявлениях заметно позиционирование проблем Арктики как глобальных по характеру. Проблемы экологии, окружающей среды и арктического судоходства имеют глобальный контекст. Хотя достигнутые соглашения о свободной торговле, занимают малую долю в китайской экономике, но с ростом значимости арктических морских путей и добычей исландских энергетических ресурсов увеличиться доля Исландии в китайском импорте энергоресурсов.

Таким образом, интерес Китая к Арктике вызван прежде всего энергетическими, а значит и экономическими объективными причинами. Правительство Исландии сформулировала свою внешнеполитическую линию на попытку игнорировать её национальные интересы в Арктике со стороны ЕС (Дании). Это привело к запуску нового регионального формат диалога «Арктический круг», представляющий собой маловажный, но альтернативу Арктическому Совету, где традиционно арктические страны имели приоритет в принятии решения круга проблем Арктики. Последствием отказа Исландии от заявки членства в ЕС стало сближение Исландии и Китая, отвечающее прежде всего их национальным интересам. Китай как неарктическая страна вынуждена соблюдать полный суверенитет, суверенные права и законы Исландии. Это позволяет Рейкьявику построить равноправные отношения партнерства. Для геополитики Исландии, это способ укрепления самостоятельной внешней политики отличной от ЕС и США, а также выход исландского экспорта энергоносителей и рыбной продукции на рынок Китая и стран Восточной Азии в целом. В китайский интерес входит стремление добиться укрепления своих позиций в арктическом регионе путем поддержки политики Исландии, освоение перспектив судоходства через арктические морские пути и получить возможность добывать минеральные ресурсы Исландии в её континентальных шельфах.

Литература

1. Моисеев, А. Безопасность Арктики: международно-правовые позиции // Международная жизнь. Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. – Москва, 2016
2. World Nuclear News, «China plans for nuclear growth», November 20, 2014 and FGE China Oil & Gas Monthly, «Issues Focus—China. Unveils Energy Targets by 2020», December, 2014.
3. U.S. Energy Information Administration, China & International energy data and analysis, May 14, 2015. С. 2; С. 3-4.

4. Facts Global Energy, China Oil & Gas Monthly, January 2015.
5. Agreement between Iceland and Norway concerning transboundary hydrocarbon deposits of November 3 2008.
6. Арктический круг [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://arcticcircle.org/assemblies/2013>
7. Международный нефтегазовый Саммит 15-17 апреля 2015 г. (Дубай) [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://offshoresummit.org/rus.html#top>
8. Circum-Arctic Resource Appraisal: Estimates of Undiscovered Oil and Gas North of the Arctic Circle [Electronic resources] – access mode: <http://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf>
9. Status of the accession negotiation between Iceland and the EU [Electronic resources] – access mode: <http://www.mfa.is/status-of-the-accession-negotiations-between-iceland-and-the-eu/>
10. North Meets North. Navigation and the Future of the Arctic [Electronic resources] – access mode: http://www.mfa.is/media/Utgafa/North_Meets_North_netutg.pdf
11. Agreements and declarations signed following a meeting between Prime Minister Johanna Sigurdardottir and Premier Wen Jiabao in Reykjavik [Electronic resources] – access mode: <http://eng.forsaetisraduneyti.is/news-and-articles/nr/7144>
12. 北极问题与中国的政策 (Проблемы Арктики и политика Китая) [Электронный-ресурс] – режим доступа: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2013-02/06/content_5727672.htm

Информационно-научное издание
АРКТИКА. XXI век. Гуманитарные науки

Распространяется бесплатно

№ 2 (8)
2016

Главный редактор
М.Ю. Присяжный

Учредитель
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка *Е.М. Егорова*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 7.11.2016. Дата выхода 7.11.2016.
Формат 70x100/16. Печать цифровая. Печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 10,62. Тираж 50 экз. Заказ № 50.
Издательский дом Северо-Восточного федерального университета
Адрес типографии: 677891, г. Якутск, ул. Петровского, 5.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-54131 от 17 мая 2013 г.
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций